

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Б. Д. Порозовская](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава I. Детство и юность Цвингли](#)
 - [Глава II. Цвингли в Гларусе и Эйнзидельне](#)
 - [Глава III. Цвингли в Цюрихе и начало Реформации](#)
 - [Глава IV. Реформы Цвингли](#)
 - [Глава V. Продолжение реформ](#)
 - [Глава VI. Враги Реформации](#)
 - [Глава VII. Первая Каппельская война и диспут в Марбурге](#)
 - [Глава VIII. Цвингли в частной жизни](#)
 - [Глава IX. Вторая религиозная война и смерть реформатора](#)
 - [Заключение](#)
 - [Источники](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Б. Д. Порозовская

Ульрих Цвингли

(1484-1531)

Его жизнь и реформаторская деятельность

Биографический очерк

С портретом Цвингли, гравированным в

Лейпциге Геданом

Введение

Историю нового времени для Западной Европы принято начинать с великого переворота, совершившегося в религиозном мирозерцании общества в первой четверти XVI века – переворота, известного под названием *Реформации*.

Как и все великие перевороты, Реформация не произошла внезапно или случайно. Новые идеи вырабатывались долго, веками. Медленно и постепенно нарастало недовольство существующим строем, медленно, почти нечувствительно, освобождалась человеческая мысль от опутавших ее оков средневековой схоластики и церковного авторитета. Правда, то здесь, то там еще задолго до Реформации появлялись отдельные выдающиеся личности, раньше других сбросившие с себя это иго и громко заявлявшие о необходимости реформ в церкви. Попытки их оказывались преждевременными, и смелые новаторы платились за то, что брались лечить болезнь, не выждав кризиса. Но идеи Арнольда Брешианского, Виклифа, Гуса и Иеронима Пражского не исчезли бесследно. Семена, посеянные ими, прекрасно взошли и, когда наступило время, принесли обильные плоды.

С одной стороны, – крайнее вырождение римской церкви, нравственный упадок и невежество духовенства, сопровождавшиеся полнейшей утратой его прежнего авторитета у народа, с другой, – громадные успехи и распространение знания благодаря возрождению наук и искусств, благодаря изобретению книгопечатания и целому ряду замечательных открытий в области географии и астрономии, – вот те причины, которые во взаимодействии сделали вполне сознательным лишь смутно ощущавшееся дотоле недовольство всем средневековым строем. В науке, в обществе повеяло новым духом – духом свободного исследования, – и от этого мощного дуновения старые бессильные кумиры должны были упасть со своих пьедесталов так же неизбежно, как неизбежно падение с дерева созревшего плода.

Великое реформационное движение XVI века не ограничивалось, таким образом, переворотом в одной лишь области церковной догматики. Оно носит преобладающий церковный характер лишь потому, что в средние века церковь обнимала все проявления человеческой жизни – и политические, и социальные, и научные интересы, – и всякое брожение, в какой бы то ни было из этих сфер, естественно, должно было отразиться на

церковных вопросах, точно так же, как и всякая крупная реформа в церкви неизбежно должна была повлиять и на строй общественной жизни. Вот почему имена тех людей, которым принадлежит руководящая роль в этой великой религиозной революции, должны быть записаны на страницах не одной только истории церкви. Реформаторы XVI века, по справедливости, заслуживают одно из первых мест в пантеоне деятелей с всемирно-историческим значением.

Лютер, Цвингли и Кальвин – вот те имена, вокруг которых группируются все события этого периода. Подобно всем великим историческим личностям, они служат самыми яркими и энергическими выразителями стремлений, потребностей и особенностей тех трех народов, из среды которых они вышли, и познакомиться с их биографией значит в то же время развернуть книгу истории на одной из ее интереснейших страниц.

Однако популярность этих трех деятелей далеко не одинакова. Всякому рисуется более или менее ясно героическая фигура безвестного дотоле монаха, когда он на Вормском сейме, один, перед лицом императора и первых лиц империи, осмелился бросить перчатку могущественнейшему авторитету папского престола. Существует в среде читающей публики более или менее ясное представление и о мрачном борце Евангелия, из своего убежища в Женеве руководившего ходом широко разраставшейся религиозной революции. Имена Лютера и Кальвина перешли и на их последователей: от них получили свое название два основных течения в протестантизме – лютеранское и реформаторское, называемое также кальвинистским.

Цвингли же, можно сказать, не посчастливилось. Величайший реформатор Швейцарии, более всех других реформаторов выразивший в своей деятельности тесную связь церковных вопросов с важнейшими сторонами общественной и политической жизни, он не только не пользуется популярностью Лютера и Кальвина в среде читающей публики, но в течение многих веков оставался непонятым даже в специальной церковно-исторической литературе. Его привыкли рассматривать только как религиозного реформатора, совершенно игнорируя другую, общественно-политическую сторону его деятельности – и с этой узко теологической точки зрения относили к числу второстепенных реформаторов, бледнеющих перед ярким блеском двух величайших светил протестантизма.

Только в сравнительно недавнее время эта многовековая несправедливость исторической науки по отношению к Цвингли уступила место беспристрастной и вполне научной оценке его. Труды таких ученых,

как Ранке, Баур, Блунчи, Гундесгаген и другие, выставили личность и значение Цвингли в надлежащем свете, ярко обрисовали оригинальный характер его реформаторской деятельности. Хотя ранняя смерть и не дала ему возможности расширить пределы своего влияния так же далеко, как Лютеру, или придать своему учению ту стройную законченность, какую оно получило в системе Кальвина, он все же, несомненно, должен считаться настоящим основателем реформатской церкви и, как по характеру и целям своей деятельности, так и по достигнутым результатам, заслуживает занять место рядом с обоими более счастливыми своими соратниками.

Познакомить читающую публику с этим новым установившимся в науке взглядом на Цвингли, представить на фоне эпохи, по возможности, рельефный образ этого третьего реформатора, известного большею частью только по имени – вот задача предлагаемого биографического очерка, задача тем более благодарная, что в лице швейцарского реформатора мы знакомимся не только с одним из выдающихся деятелей истории, но и с одной из симпатичнейших человеческих личностей вообще.

Цвингли, как мы уже сказали, является не только новатором в области церковной догматики, – он был реформатором Швейцарии в самом широком значении этого слова. Поэтому, чтобы лучше понять характер и значение его деятельности, нам придется сказать хоть несколько слов о внутреннем состоянии Швейцарии в момент его выступления.

Дело в том, что помимо тех, общих для всей католической Европы зол – вырождения духовного сословия, оскудения религиозного чувства и т.п., – благодаря которым потребность в реформе церкви стала к этому времени особенно настоятельной, Швейцария страдала еще одним опасным недугом, глубоко проникшим во все слои общества и требовавшим немедленной радикальной помощи. Это была пагубная система наемничества, так называемая *Reislaufen* швейцарской молодежи.

На первый взгляд, начало XVI века представляется самым блестящим периодом в истории Швейцарской республики. Многочисленные победы, одержанные в целом ряде войн с Австрией, Бургундией и Швабским союзом, победоносные походы в Ломбардию, доставившие мужественным горцам репутацию непобедимых храбрецов, само положение Швейцарии на рубеже Германии, Франции и Италии – все это подняло значение маленькой бедной страны, затерянной в долинах Альп, до небывалой высоты, доставило ей громадное влияние на политические судьбы Европы. Короли и императоры, светские и духовные государи ухаживали за бедными горцами, заискивали в их дружбе, добивались союза с ними,

держали при союзных сеймах и даже в отдельных кантонах своих посланников и агентов – явных и тайных. Не зависимые друг от друга отдельные кантоны конфедерации извне представляли тесно сплоченное целое, игравшее в политических предприятиях Европы более или менее решающую роль.

Но это только на первый взгляд. Внутреннее состояние Швейцарии далеко не соответствовало ее внешнему величию. В швейцарцах этой эпохи трудно узнать тех доблестных сынов Гельветии, которые в XIV веке клялись до последней капли крови стоять за свои права и добрые старые обычаи. Времена полуполюгендарного народного героя Вильгельма Телля прошли, казалось, безвозвратно. Тогда храбрые горцы, бедные, но совершенно довольные своей судьбой, не имели другого честолюбия, кроме желания сохранить свою независимость. Единственной целью их союзов было сохранение мира. Они желали только спокойно жить в своих горах, не вмешиваясь в дела соседей, и довольствовались скупными произведениями своей страны, не гоняясь за богатством и роскошью. Эта простота нравов, эта одушевлявшая всех горячая любовь к свободе были главным залогом их успехов. Сражаясь за самое дорогое, заветное благо, за свою свободу, горсть бедных пастухов могла поспорить с грозным неприятельским войском.

Но со второй половины XV века эти патриархальные времена кончаются. Карл Смелый, принудив швейцарцев сплотиться для защиты от его нападений, обнаружил им тайну их силы. Швейцарская пехота прослыла непобедимой. Упоенные славой своих побед, горцы возымели честолюбие занять место среди европейских держав. Со своей стороны, последние решили воспользоваться храбростью швейцарцев для собственных интересов. В истории Швейцарии наступает новая эра. Конфедераты начинают принимать участие в чуждых им интересах европейской политики, вступают в союз с иностранными государями, нанимаются к ним на службу.

Войны за Ломбардию в начале XVI века еще более возвысили значение Швейцарии. Французский король, папа, император – все они наперебой стали угождать конфедератам, стараясь переманить их на свою сторону. Тайные подкупы, открытая раздача крупных денежных сумм влиятельным лицам и целым кантонам, обещания богатой добычи и щедрого жалованья – вот те сети, в которые улавливались бедные горцы. Послы иностранных государей со своими многочисленными свитами систематически развращали народ. В городах, где заседали союзные сеймы, они устраивали один праздник за другим, старались пробудить в населении страсть к

роскоши и наслаждениям, заставляя бедное дворянство, до тех пор весьма мало отличавшееся от простых поселян, всеми силами тянуться за ними и подражать их вольной роскошной жизни. Чтобы удовлетворить пробудившейся потребности в роскоши, оставалось только одно средство – поступить на иностранную службу. И вот швейцарцы сражаются сегодня за папу, завтра – за императора, послезавтра – за французов. Кто лучше платит, тот и господин.

Легко понять, к каким плачевным результатам должна была привести подобная система. Победители при Грансоне и Муртене перестали руководствоваться иными соображениями, кроме материальных. Прежнее единение исчезло. Народ распался на множество партий, и раздоры между ними проникали даже в недра семейств. В то время, как правительства кантонов обещали свое содействие одному государю, агенты другого также разъезжали по стране и тайно вербовали себе приверженцев. Дети продавали себя вербовщикам против воли родителей, подданные – против воли правительств. Прежние патриархальные нравы быстро портились. Деньги, нажитые без труда, так же легко и проживались; чтобы добыть средства для продолжения беззаботной жизни, вернувшиеся с поля битвы победители снова спешили продать свои услуги на рынке наемников. Целое поколение отвыкало от труда, от мирных занятий и промыслов. Молодые люди возвращались на родину с привычками необузданных людей, оторвавшихся от семейного очага, вносили в простую неиспорченную среду все пороки больших городов. Корыстолюбие, продажность, упадок семейных начал были естественными последствиями наемничества и грозили свободе Швейцарии большими опасностями, чем все военные силы Габсбургов и бургундцев.

Таково было в начале XVI века внутреннее состояние Швейцарии. Нельзя сказать, чтобы швейцарцы совершенно не сознавали угрожающей им опасности. Время от времени поднимались протестующие голоса против чудовищно разраставшегося зла, на сеймах и народных собраниях принимались даже решения окончательно отказаться от наемничества и иностранных пенсий. Но эти решения соблюдались недолго. Стоило зазвенеть французскому мешку с кронами, стоило показаться папскому уполномоченному с посулами всевозможных благ и в этом, и в будущем мире, – и все благие намерения забывались, и швейцарцы снова шли проливать кровь, свою и чужую, за совершенно безразличное для них дело.

От церкви благодетельного влияния ждать было нечего. Она и сама, как мы сказали, находилась в таком же состоянии разложения, как и везде в тогдашней Европе, если не еще худшем. Монахи и священники, за редкими

исключениями, были круглые невежды, умевшие только бормотать несколько непонятных им самим латинских молитв и служить мессу. Высшее духовенство заботилось лишь о собственных интересах и обращало пороки и суеверие своей паствы в выгодные статьи доходов. И те, и другие погрязали в разврате и подавали мирянам самые недостойные примеры. Некогда швейцарцы были глубоко религиозным народом, слепо почитавшим духовенство и папу, на которого они смотрели как на существо сверхъестественное. Но страшный упадок духовного сословия сильно подорвал его авторитет в глазах народа. Еще больший удар обаянию церкви был нанесен итальянскими походами. Швейцарцы воочию увидели те безобразия, какие творились при папском дворе, – и прежнее благоговейное отношение к наместнику Христа сменилось скептическим, даже презрительным отношением. Сложилось даже характерные пословицы в этом духе: “Кто едет в Рим, пусть оставит набожность дома”, “Чем ближе к Риму, тем хуже христианство” и т.п. А вместе с утрачиваемым доверием к церкви падала в народе и религиозность, так как в те времена церковь и религия были, можно сказать, синонимами.

Таким образом, Швейцария, при всем своем внешнем величии, стояла на краю гибели. Чтобы спасти общество и церковь от угрожавшего им полного разложения, необходима была глубокая коренная реформа в той или другой сфере. Швейцария нуждалась в преобразователе, который, во имя авторитета, более могущественного и неоспоримого, чем пошатнувшийся авторитет церкви, пробудил бы религиозное и национальное самосознание народа, возродил бы его к новой, лучшей жизни. Эта громадная задача была по плечу только сильному, глубоко убежденному человеку. И такой человек появился – им стал Цвингли.

Глава I. Детство и юность Цвингли

Родина и семейство Цвингли. – Первые впечатления. – Влияние дяди. – Учебные годы в Базеле, Берне и Вене. – Учительство в школе св. Мартина. – Любовь к музыке и дружба с Лео Юдом. – Влияние Виттенбаха. – Цвингли становится священником

В восточной части Тоггенбурга (в нынешнем кантоне Санкт-Галлене), на лесистом склоне горы раскинулась деревня Вильдгауз. Это одна из самых возвышенных местностей Швейцарии. На этой высоте не успевают уже никакие плоды. Только роскошный альпийский ковер покрывает узкие долины и стелется по склонам гор, над которыми громадные скалистые массы гордо поднимают к небу свои обнаженные вершины.

Жители Вильдгауза, как и все тоггенбургцы, самой природой предназначались быть пастухами. Как только в первых числах мая горы покрывались зеленым ковром, они выгоняли свои стада на пастбища, поднимаясь вместе с ними все выше и выше, пока, в конце июля, не достигали обнаженных частей Альп. Тогда они так же постепенно начинали спускаться в долины и к осени возвращались домой. Это был веселый жизнерадостный народ, страстно любивший пение и музыку, свободолюбивый и еще не утративший прежней патриархальности нравов. По праздникам молодые люди, принужденные оставаться дома, чтобы справлять домашние работы и заготовить сено на зиму, спешили подняться на горы к своим более счастливым товарищам. Еще издали пастухи приветствовали их звуками своих рожков, гулкое эхо разносило по горам их перекликанья, а вечером, под открытым небом, при пении и звуках незатейливых инструментов, справлялись веселые пастушеские праздники. В зимние вечера в хижинах горцев также часто слышались пение и игра, так как в редком доме не играли на каком-нибудь инструменте.

В этой-то простой, близкой к природе обстановке, на чистом горном воздухе провел свои детские годы будущий швейцарский реформатор.

Несколько влево от дороги, среди зеленого луга, в Вильдгаузе стоит еще и поныне скромный деревенский домик. В этом домике, в семействе старшины (аммана) вильдгаузской общины 1 января 1484 года родился ребенок, названный по имени отца Ульрихом.

Семейство Цвингли принадлежало к самым богатым и уважаемым между жителями гор. Незадолго до этого времени население Вильдгауза освободилось из-под тяжкого феодального гнета, под которым держал его

санкт-галленский аббат. Этим освобождением оно обязано было, главным образом, своему амману, пользовавшемуся вследствие этого большим авторитетом. Брат его, Варфоломей Цвингли, был первым пастором, избранным самой общиной. Мать реформатора, Маргарита Мейли, также была из хорошей фамилии, насчитывавшей среди своих членов несколько лиц духовного звания.

Амман Цвингли со своим многочисленным семейством (у него было восемь сыновей и две дочери) был настоящим патриархом этих гор. Как и у всех жителей Вильдгауза, его богатство заключалось лишь в обширных лугах в Альпах, на которых паслись его стада. Маленький Ульрих провел свое детство подобно всем горцам. Вместе с отцом и братьями он поднимался на горы, помогая им смотреть за стадом, участвовал в пастушеских забавах и звуками своего свежего детского голоса будил эхо в горах.

В длинные зимние вечера в доме аммана собирались старшие члены общины. Притаившись в углу, мальчик слушал рассказы о прошлом Швейцарии, о том, как тоггенбургцы добились свободы благодаря союзу с храбрыми конфедератами, разбившими войска Карла Смелого. Эти рассказы, как огненные искры, западали в юную душу и впоследствии разгорелись в ней ярким огнем любви к свободе и отечеству. Часто также, сидя у ног своей бабушки, он слушал ее благочестивые рассказы и легенды, пробуждавшие его религиозное чувство.

Таковы были первые впечатления будущего реформатора. Это ясное беззаботное детство в простой неиспорченной среде имело самое благотворное влияние на развитие его характера. Цвингли был и оставался всю жизнь настоящим тоггенбурцем. Здоровый и телом и духом, веселый, свободолюбивый, как и все тоггенбургцы, он соединял с их музыкальными способностями и добродушным юмором глубокое религиозное чувство, находившее для себя пищу в величественных картинах родной природы. Когда гром катился по горам и скалы повторяли его оглушительным грохотом, когда при свете утренней зари ледяные вершины охватывало море огня – в чуткой душе мальчика пробуждалось представление о величии Бога. Но в этом представлении не было ничего подавляющего. Божество не внушало ему того страха, не казалось ему тем неумолимым судьбою, каким оно рисовалось молодому Лютеру. Мирозерцание Цвингли, зародыши которого следует искать во впечатлениях его детства, было бодрое, оптимистическое, чуждое всякого мистицизма.

Другой замечательной чертой, рано обнаружившейся в характере Цвингли, была его любовь к правде. Он сам рассказывал, что однажды, при

первом пробуждении его сознания, ему пришла в голову мысль – не следует ли наказывать за ложь строже, чем за воровство. Ибо правдивость, – прибавляет он, – мать и источник всех добродетелей.

Бойкий и в то же время вдумчивый, не по летам развитый мальчик, казалось, был предназначен для чего-нибудь высшего, чем пасти стада в родных Альпах. Отец Цвингли, следуя семейной традиции, решил посвятить его духовному званию. Его дядя Варфоломей, сделавшийся около этого времени деканом в Везене и любивший племянника, как родного сына, занялся его первоначальным образованием и в 1494 году отправил его в Базель. Здесь десятилетний Ульрих, или, как он любил называть себя, Гульдрейх, поступил в школу св. Теодора, где обучались главным образом трем предметам – латинской грамматике, диалектике и церковной музыке. Цвингли во всем показывал блестящие успехи. На диспутах, устраивавшихся между мальчиками, он постоянно одерживал верх, возбуждая зависть в своих товарищах, но своим природным добродушием, а особенно прекрасным голосом и любовью к музыке он скоро обезоруживал их и приобретал среди них горячих друзей. Учитель школы, Григорий Бюнцли, необыкновенно кроткий наставник, тоже очень полюбил способного мальчика, и когда спустя три года курс школы был пройден, посоветовал родителям отправить его в Берн, где известный ученый-гуманист Генрих Лупулус только что открыл первую в Швейцарии ученую школу, посвященную изучению древних языков.

Лучшего выбора нельзя было и сделать. Лупулус был основательным знатоком и восторженным почитателем классической литературы и недурным латинским поэтом. При этом он был горячим патриотом, с любовью относившимся к преданиям родной старины и человеком глубоко религиозным. Влияние его на Цвингли поэтому было очень сильным. Он пробудил в его душе неизгладимую любовь к классическим авторам, развил его поэтический вкус так, что под его руководством Цвингли сам стал писать стихи, и поощрял его громадный музыкальный талант. После двухлетнего пребывания в Берне пятнадцатилетний Цвингли мог играть на всех известных тогда инструментах.

Но эти же музыкальные способности навлекли на него опасность, которая могла оказать роковое влияние на всю его жизнь. Бернские доминиканские монахи обратили внимание на прекрасный голос и блестящие способности юноши и, надеясь, что он придаст новый блеск их монастырю, стали заманивать его к себе. К счастью, отец Цвингли вовремя узнал об этом. Молодой Ульрих получил приказание немедленно оставить Берн и, после короткого пребывания на родине, был отправлен в Вену для

поступления в университет.

Об этом университетском периоде в жизни реформатора мы имеем лишь самые скудные сведения. Известно только, что в это время он сблизился с целым кружком молодых соотечественников, подобно ему занимавшихся наукой. В числе их были Иоахим Вадриан и Генрих Глареан, оба сделавшиеся выдающимися учеными и усердными помощниками Цвингли-реформатора. Другой же университетский товарищ, Фабер, впоследствии, напротив, сделался самым ожесточенным его противником.

В 1502 году восемнадцатилетний Цвингли вернулся на родину. Но он недолго оставался там. Приобретенные познания не удовлетворяли его. Он отправился в Базель довершать свое образование при тамошнем университете и, чтобы не нуждаться более в помощи отца, принял место учителя в школе св. Мартина, где обучал учеников латинскому языку. Несмотря на свое отвращение к схоластической философии, Цвингли продолжал изучать ее и тут, но лишь для того, чтобы быть в состоянии бороться с противниками их собственным оружием. В 1506 году он даже получил звание магистра “свободных искусств” и, очевидно, имел твердое намерение посвятить себя научной деятельности.

Впрочем, несмотря на эти усердные занятия, живой, полный сил юноша не мог совершенно погрузиться в сухую, мертвящую схоластику. Он любил общество, в котором имел успех благодаря своей живости и занимательности своего разговора; любил, чтобы серьезный труд сменялся веселой шуткой. Утомленный усидчивыми занятиями, он стряхивал с себя книжную пыль, брался за свои любимые лютню или скрипку, и под их аккомпанемент в комнате молодого ученого раздавались напевы родных гор. Музыка освежала его, и после такого перерыва он с усиленным рвением возвращался к своей работе. Казалось, первоначальный план родных – сделать из него духовного – никогда не должен был осуществиться.

Но в это время произошло событие, которое, несомненно, имело громадное влияние на все развитие будущего реформатора. В ноябре 1505 года в Базель приехал Томас Виттенбах, бывший до тех пор профессором Тюбингенского университета и выступивший здесь магистром свободных искусств и доцентом теологии. Это был первый предвестник реформации в Швейцарии. Блестящий и разносторонний ученый, он собирал вокруг своей кафедры толпы молодежи, с жадностью слушавшей его горячие обличительные речи против бесплодной схоластической теологии, речи, заключавшие в себе многие из тех идей, которым скоро суждено было, устами более энергичных проповедников, вызвать целую революцию в

церковном мире.

Среди слушателей, которые с наибольшим энтузиазмом теснились вокруг кафедры нового профессора, был молодой человек лет двадцати трех, маленького роста, слабого и болезненного сложения, с кротким и вместе с тем мужественным взглядом. Это был Лео Юд, сын эльзасского священника. Лео и Ульрих скоро сошлись. Лео также был очень музыкален, и это обстоятельство еще более сблизило молодых людей. Университетская дружба продолжилась на всю их жизнь, и в лице своего друга Цвингли приобрел самого усердного и преданного сотрудника в своей позднейшей реформаторской деятельности.

Под влиянием Виттенбаха молодые люди оставили отцов церкви и с жаром принялись за изучение Св. Писания, о котором, подобно большинству не только простого духовенства, но и ученых теологов, не имели до сих пор никакого понятия. Перед Цвингли точно открылся новый мир. В то же время этот богатый источник любви пробудил в нем желание посвятить все свои силы на служение народу. Поэтому, когда в 1506 году жители Гларуса, соседнего с Вильдгаузом, привлеченные репутацией молодого ученого, предложили ему освободившееся у них место приходского священника, Цвингли с радостью принял это предложение и с этой целью решился, наконец, поступить в духовное звание.

Глава II. Цвингли в Гларусе и Эйнзидельне

Научные занятия и педагогическая деятельность Цвингли. – Сношения с гуманистами. – Практическое направление Цвингли. – Первые литературные произведения. – Итальянские походы и их влияние на Цвингли. – Борьба с наемничеством и вражда французской партии. – Обвинения против Цвингли. – Перемещение в Эйнзидельн. – Проповедь Евангелия. – Шиннер и Пуччи. – Цвингли убеждает их в необходимости реформы

Десятилетний период пребывания Цвингли в Гларусе можно считать настоящей подготовительной школой его к реформаторской деятельности. Приход Цвингли был очень велик: он занимал почти целую треть кантона. Поэтому обыкновенный добросовестный священник вполне удовлетворился бы исполнением своих обычных обязанностей. Но двадцатидвухлетний Цвингли относился к своему званию духовного пастыря с необыкновенною строгостью и, чтобы приблизиться к своему высокому идеалу пастыря, продолжал и теперь неутомимо работать над своим образованием. Рядом со всесторонним изучением Св. Писания, для чего он даже начал, без помощи учителя, заниматься греческим языком, он продолжал усердно заниматься классической литературой. Впрочем, Цвингли не принадлежал к числу тех гуманистов, для которых изучение классиков было само по себе целью, ради которой они относились равнодушно к требованиям настоящего. Он любил древних авторов не столько за форму, сколько за их тонкое чутье правды, за их гражданские и республиканские доблести. К тому же он считал эти занятия прекрасным средством, чтобы развить свой ораторский талант.

Учась сам, он обучал и других. По его инициативе в Гларусе была устроена латинская школа, которая находилась под его руководством. Цвингли был превосходным наставником. В своих учениках он старался пробудить любовь к наукам и наиболее талантливых отправлял для дальнейшего образования в Вену или в Базель, причем и в отдалении не переставал интересоваться ими и руководить их занятиями с самой нежной заботливостью. Зато и письма к нему от бывших учеников дышали самой восторженной благодарностью. Даже знаменитый Эразм Роттердамский, поселившийся около этого времени в Базеле, выказывал ему большое уважение как восходящему светилу гуманизма и в своих письмах к молодому ученому, в свою очередь, преклонявшемуся перед его гением,

называл его гордостью и надеждой Швейцарии.

Но ни лестные аттестации величайшего в то время научного авторитета, ни собственная любовь к науке не могли отвлечь Цвингли от его главного жизненного идеала – приносить непосредственную практическую пользу своим соотечественникам. Он не жаждал лавров ученого, его честолюбие заключалось лишь в том, чтобы быть проповедником истины. Вот почему даже первые литературные произведения молодого гуманиста, прекрасно владевшего латинским языком, написаны по-немецки – грубым, но зато доступным общему пониманию языком.

Цвингли прежде всего – горячий патриот. Первые думы, первые чувства, которые волновали голову и сердце впечатлительного юноши, были мысли о дорогой Швейцарии, чувства восторга перед храбростью ее сынов, боли за то унижение, в которое ее повергла своекорыстная политика ее вожakov. Еще ребенком он прислушивался с радостным замиранием сердца к рассказам старших о подвигах храбрых конфедератов, но в то же время от него не могли ускользнуть и горькие замечания о том, как ныне благодаря развращающему влиянию чужого золота храбрость и мужество швейцарца стали предметом торга, как роскошь и продажность грозят совершенно вытеснить первоначальную простоту нравов. Эти толки и впечатления со временем должны были, конечно, еще сильнее волновать душу Цвингли. И действительно, мы видим, что первые его литературные произведения (аллегорические стихотворения “Лабиринт” и “Басня о быке”, относящиеся к 1510 году) посвящены именно вопросу о наемничестве, которое, как червь, подтачивало нравственность и свободу швейцарцев.

В 1512 году Цвингли пришлось в качестве полкового священника сопровождать гларусское войско в Италию. Он оставил нам восторженное описание этой блестящей Павийской кампании. В то время будущий реформатор еще вполне искренне восхищался подвигами своих соотечественников на службе Рима и гордился тем, что папа в благодарность за оказанную помощь даровал швейцарцам почетный титул “защитников христианской церкви”.

Но это опьянение победами и славой швейцарского имени скоро прошло. Второй поход, в котором Цвингли пришлось принять участие, окончательно рассеял его прежние патриотические восторги. Это был поход 1515 года, когда в знаменитой “битве гигантов” (как современники прозвали сражение при Мариньяно) погибло с позором самое блестящее войско, какое когда-либо выставляла Швейцария за чужие деньги. Цвингли

был свидетелем того, как часть этого войска, подкупленная французами, в виду неприятеля покинула своих соотечественников, а другая, отрезанная и потерявшая всякую бодрость, была разбита наголову. С тех пор он проникся еще большим негодованием против системы наемничества и в своих проповедях, не стесняясь, стал громить тех, кто за иностранные пенсии склонял народ продавать себя вербовщикам. Понятно, что эти обличительные речи не могли нравиться приверженцам французской партии, принадлежавшим к самым влиятельным аристократическим фамилиям Гларуса. На смелого проповедника посыпались нападки. Про него стали распространять разные сплетни, пока, наконец, выведенный из себя этими дрызгами, он не решил на время удалиться из Гларуса, воспользовавшись для этого приглашением в монастырь Эйнзидельн.

Нужно, впрочем, признать, что в обвинениях его врагов была некоторая доля правды. Последние указывали, между прочим, на то, что их строгий цензор не имеет права обличать других, не будучи безупречным и сам. Знаете ли, – говорили они, – откуда эти грозные предостережения против происков Франции? Это все оттого, что он сам поддерживает интриги папы. Разве он не находился в тесных сношениях с кардиналом Шиннером или папским нунцием, не получает сам от папы ежегодной пенсии?

Действительно, Цвингли согласился принять от папы ежегодную пенсию в 50 флоринов, дававшую ему, при скудности его доходов, возможность приобретать нужные и дорогие в то время книги. Точно так же он был в дружеских отношениях с Шиннером, швейцарцем по происхождению, сыном бедного пастуха, благодаря своим необыкновенным способностям возвысившимся до сана кардинала. Но ни в этой дружбе с римским сановником, ни в принятии пенсии не было ничего, связующего совесть Цвингли. В то время он еще очень искренне был предан интересам Рима, считал долгом всякого христианина помогать этой “матери христианства” против врагов. С переменой убеждений он отказался и от пенсии.

Гораздо основательнее были те обвинения врагов, которые раздавались против его нравственности. Ему ставили в вину не только его веселый нрав, шуточные выходки, любовь к музыке, но и неисполнение одного из обетов духовенства. Сам Цвингли впоследствии чистосердечно признавался в своих увлечениях, которые, впрочем, никогда не доходили до таких скандалов, как у остального духовенства и которые он потом искупил безупречной чистотой жизни.

Как бы то ни было, не эти ошибки молодости были причиной его

удаления из Гларуса, как уверяли потом его враги. Цвингли совершенно добровольно решил на время оставить театр борьбы, чтобы иметь возможность полнее отдаваться исследованию тех вопросов, которые тогда уже сильно занимали его, – вопросов не только политически-общественного, но и религиозно-догматического характера. Место проповедника в Эйнзидельне, хотя и менее важное, чем его место в Гларусе, но зато оставлявшее ему более досуга, представилось очень кстати, и Цвингли в 1516 году перешел туда, сопровождаемый общими сожалениями своих прихожан.

В Эйнзидельне, одном из самых посещаемых богомолий в Швейцарии, господствовал в то время довольно свободный дух. Главный администратор монастыря, Дибольд фон Герольдсек, принадлежал к числу людей свободомыслящих. Хотя сам, по выражению Цвингли, и “посредственной учености, но друг науки”, он любил общество ученых теологов, привлекал их в свой монастырь, снабжал книгами и заботился об образовании молодых клириков. Приобретение такого известного ученого, как Цвингли, было ему поэтому особенно приятно, и благодаря его дружеской протекции последнему действительно удалось осуществить тот план, для которого он променял свое место в Гларусе на незначительную должность монастырского проповедника. Пребывание в Эйнзидельне, можно сказать, было последнею ступенью, завершившею его подготовку к реформаторству. Здесь, на досуге, пользуясь богатой монастырской библиотекой, Цвингли совершенно ушел в изучение Св. Писания. Знание греческого языка, приобретенное в Гларусе, дало ему возможность исследовать его в оригинале. Особенное же внимание он обратил на послания апостола Павла. Тогдашние издания Нового Завета были очень объемисты, поэтому, чтобы иметь возможность всегда носить их при себе, Цвингли собственноручно списал все послания в формате карманной книжки, снабдив их по полям примечаниями Эразма, извлечениями из Оригена, Амвросия, Иеронима и других отцов церкви и, таким образом, постепенно выучил их наизусть.

Это глубокое, добросовестное погружение в Св. Писание, предпринятое Цвингли без всяких предвзятых идей, с полным отвращением ко всем приемам схоластической теологии, окончательно выяснило ему всю несостоятельность римского учения, всю бессмысленность и вредность того чисто внешнего культа, который заменил всякое искреннее проявление религиозного чувства. Обстановка, среди которой завершался в нем этот процесс религиозного просветления, еще сильнее должна была укрепить его в его выводах.

Монастырь св. Марии – Эйнзидельн – со своим чудотворным образом Божией Матери в келье св. Мейнрада был центром самого грубого суеверия. К этому чудотворному образу и к многочисленным, хранившимся в монастыре мощам святых ежегодно стекались толпы пилигримов из разных концов Швейцарии и даже Германии. Папа даровал монастырю право отпущения для всякого посетившего его, и над воротами красовалась соблазнительная надпись: “Здесь получается полное отпущение грехов”. Но особенно велик был наплыв богомольцев в день главного монастырского праздника, так называемого “освящения ангелов”. Монастырь и жил, и обогащался за счет их добровольных приношений, а пилигримы, купив себе отпущение грехов, возвращались к своему прежнему образу жизни со спокойным сознанием, что всякий новый грех легко будет смыт подобным же путем.

На человека, все сильнее проникавшегося истинным евангельским учением, эти картины развращающего суеверия не могли не производить самого отталкивающего впечатления. Цвингли не мог равнодушно сносить это зло. Проповедник, приглашенный для того, чтобы силою своего ораторского таланта содействовать материальному процветанию монастыря, получавший свое жалование из приношении богомольцев, он выступил с горячей проповедью против этих самых пилигримств, против этих актов внешнего благочестия, не сопровождавшихся истинным покаянием и нравственным обновлением. Вместо того, чтобы, по примеру других проповедников, выхвалять перед своими слушателями чудотворную силу образа Богоматери, действительность отпущения, даруемого монастырем, он говорил им, что Христос – единственный посредник между Богом и людьми, что одна только вера может доставить им искупление.

“Перестаньте же верить, – говорил он толпившимся вокруг него богомольцам, – что Бог присутствует в этом храме предпочтительнее, чем в другом месте. В каком бы уголке земли вы ни жили, Бог всегда находился вблизи вас; он окружает вас, он слушает вас, если вата молитва заслуживает быть услышанной. Ни бесплодные обеты, ни далекие пилигримства, ни дары, предназначенные для украшения мертвых изображений, не привлекут на вас благодати Божией. Сопровитесь искушению, побеждайте свои греховные желания, избегайте несправедливости, поддерживайте несчастных и утешайте удрученных – только такими делами вы будете угодны Богу...”

“Эти избранники Божий, к стопам которых вы прибегаете, разве через чужие заслуги вошли они в царство славы? Нет, лишь постоянным исполнением закона Божия, покорностью воле

Всевышнего, преданностью воле Искупителя, доходившею до презрения смерти. Святость их жизни да будет примером для вас, идите по их стопам; ни опасности, ни соблазны да не совращают вас с пути; таким только путем вы достойно почтите их. В дни же скорби возлагайте упование на единого Бога, сотворившего небо и землю. В смертный час призывайте только Иисуса Христа, искупившего вас своею кровью – единого посредника между Богом и людьми!..”

Как странно, как необычайно звучали в таком месте подобные речи! Пилигримы слушали и качали головами; некоторые усомнились в правоверности проповедника, но многие уходили глубоко потрясенными. Число богомольцев стало уменьшаться, иные даже брали назад свои приношения. Случалось, что пилигримы, направлявшиеся в монастырь, встретившись с шедшими обратно, под впечатлением их рассказов возвращались назад с полдороги. Со всех сторон взоры свободомыслящих людей с надеждой и восторгом стали обращаться на красноречивого и мужественного проповедника.

Наконец и Рим обратил на него внимание. Папский легат Пуччи получил поручение привязать его всевозможными средствами к интересам папского престола. В письме, написанном в самом льстивом тоне, он от имени папы благодарил Цвингли за его полезную деятельность, превозносил его таланты и преподнося, пока, для начала, звание капеллана-аколита, показывал ему в перспективе быструю и блестящую карьеру.

Приманка, однако, не подействовала. Не выступая открыто против господствующей системы, Цвингли продолжал по-прежнему проповедовать Слово Божие в справедливом убеждении, что при этом свете все ложное обнаружится само собой. Под его влиянием Герольдсек также решил на некоторые нововведения. Надпись над монастырскими воротами была уничтожена, а монахиням в соседнем монастыре рекомендовано чтение Евангелия, которое Цвингли вместе с другим проповедником стал объяснять им. В это же время Цвингли впервые пришлось поднять голос против торговли индульгенциями, потому что в окрестностях показался “швейцарский Тецель” – монах Бернارد Самсон.

Таким образом, Цвингли постепенно выходит на новую дорогу; в его проповедях все яснее проглядывают результаты его подготовительных занятий. Правда, он и теперь еще не чувствует себя призванным к самостоятельной реформе. Он желает только очистить церковь от ее грубых заблуждений и злоупотреблений, добиться разрешения свободной повсеместной проповеди Евангелия и надеется, что в этом ему поможет сама церковь. Он сам в 1525 году в письме к другу рассказывает, что,

“находясь в Эйнзидельне, много раз без огласки делал представления кардиналам, епископам и прелатам о том, что пора начать отмену злоупотреблений, а иначе они падут сами, но с великим возмущением мира!” Кардиналу Шиннеру он не раз говорил, что папство не имеет никакого основания в Св. Писании, но полагался на его обещание, что он убедит папу согласиться на необходимые реформы. Все эти обещания остались неисполненными, и он может поэтому по чистой совести сказать: “Я никогда ничего не предпринимал из-за угла и воровски, но везде заблаговременно предупреждал и каждому давал ответ”.

Но и сами эти попытки добиться реформы легальным путем служат красноречивым доказательством того, что подготовительный период уже был закончен, что Цвингли уже в Эйнзидельне имел вполне ясное представление о том, что необходимо для спасения отечества. Ему оставалось только попасть в такой пункт, с которого его слово должно было звучать наиболее явственно и авторитетно. Таким пунктом был Цюрих.

Глава III. Цвингли в Цюрихе и начало Реформации

Цюрих до Реформации. – Избрание Цвингли в проповедники. – Первые проповеди. – Успех Цвингли. – “Швейцарский Тецель” и борьба против индульгенций. – Болезнь Цвингли. – Начало оппозиции. – Цвингли проповедует против иностранных союзов. – Снисходительность Рима и ее причины. – Повлиял ли Лютер на Цвингли? – Ответ последнего. – Вопрос о первенстве реформаторов по времени. – Параллель между Лютером и Цвингли. – Разница в условиях воспитания и развития. – Консерватизм Лютера. – Постепенность в развитии и деятельности Цвингли

Мишурное величие, окружавшее Швейцарию с тех пор, как ее участие в том или другом предприятии европейской политики сделалось необходимым условием успеха, проявлялось в своих последствиях с наибольшею резкостью в Цюрихе. Этот богатый могущественный город, служивший центром политических интересов Швейцарии, благодаря обычным в нем заседаниям союзных сеймов был предметом особенного ухаживания со стороны иностранных государей. Неудивительно поэтому, что и развращающее действие практиковавшейся ими системы подкупов и подариваний сказывалось здесь еще сильнее, чем в других местах Швейцарии. Богатые пенсии, жалованье и добыча, принесенная из удачных походов, развили в населении Цюриха страсть к роскоши и наслаждениям, сопровождавшуюся страшным упадком нравственности. Сам Цвингли впоследствии рассказывал, как, приехав однажды в Цюрих, увидел здесь такую постыдную жизнь, что мысленно молил Бога не приводить его сделаться священником в этом городе.

Но несмотря на проникшую во все слои общества порчу, именно в Цюрихе было немало истинных патриотов, которые с глубокою горечью смотрели на быстро прогрессирующий упадок общественной нравственности. Битва при Мариньяно, в которой погиб цвет цюрихского юношества, открыла многим глаза на главный источник этого упадка и сделала их восприимчивее к реформаторским попыткам. Недоставало только человека, который решился бы смело начать борьбу с господствующим злом. Этот человек и появился в облике Цвингли.

В 1518 году место священника и проповедника при большом

Цюрихском кафедральном соборе сделалось вакантным. Место это считалось очень важным, и соборный капитул, от которого зависел выбор, искал человека достойного и образованного. Естественно, что имя Цвингли, который часто наезжал в Цюрих и имел здесь много друзей и поклонников, раньше всего было упомянуто в числе кандидатов. Особенно хлопотал в его пользу Освальд Миконий, учитель при соборной школе, с которым Цвингли познакомился еще в Базеле. Среди каноников у него также были почитатели. Но главным образом на его назначение повлияли политические соображения. Комиссия, назначенная для избрания проповедника, состояла как раз из лиц, относившихся враждебно к иностранным союзам, и это обстоятельство решило дело. То, что вредило ему в Гларусе, доставило ему успех в Цюрихе, и большинством – 17 голосов из 24 – Цвингли был избран в проповедники.

В первый день 1519 года Цвингли впервые взошел на цюрихскую кафедру. В этот день ему минуло 35 лет. Несколько выше среднего роста, прекрасно сложенный, цветущего здоровья и с мужественно красивым лицом, он обладал голосом не очень сильным, но проникающим в сердце и мощным, звучавшим глубоким убеждением даром слова. Уже при самом избрании он объявил, что не намерен следовать примеру прежних проповедников, читавших народу только отрывки из Евангелия, а будет излагать его в последовательном порядке, начиная с Матфея, в связи со всем Св. Писанием, и притом на родном понятном языке.

Пятнадцать веков после Рождества Христова в западноевропейском христианском мире не только Св. Писание в полном его объеме, но даже Евангелие было известно лишь немногим ученым; большинство же духовенства пренебрегало. Все его познания заключались в разной схоластической дребедени и каноническом праве. Буллингер^[1] рассказывает, что на одном собрании деканов всей конфедерации оказалось, что только трое из присутствовавших читали всю Библию, остальные же признались, что никто из них не прочел даже всего Нового завета. Можно поэтому вообразить, на каком уровне находилось религиозное образование низшего духовенства. Оно выучивало наизусть готовые проповеди монахов и, часто даже не понимая их, преподносило потом народу. Те же из духовных, которые считались наиболее выдающимися проповедниками, причисляли Аристотеля к отцам церкви, а Фому Аквинского или Петра Ломбардского ставили выше апостолов. Как велико было невежество тогдашнего духовенства, особенно низшего, можно заключить из следующей проповеди одного монаха: “Теперь изобрели новый язык, греческий – это мать всех раздоров; на этом языке

написана книга, зовут ее Новым заветом, и в ней много опасных мест. А теперь возникает еще один язык, еврейский; кто его изучает, становится жидом!”

И вот перед толпой, пробавлявшейся до сих пор подобной духовной пищей, впервые на понятном языке, в простом, лишенном всяких риторических прикрас, но глубоко прочувствованном толковании, раздалось чистое евангельское учение. Легко понять, каково было произведенное им впечатление. Это было точно новое откровение. Люди, давно уже переставшие ходить в церковь и пришедшие послушать нового проповедника из любопытства, сделались после этого самыми усердными его слушателями. “Вот настоящий проповедник истины, – говорили некоторые. – Он скажет, в каком положении дела; это новый Моисей, который выведет народ из египетского мрака”.

С каждым днем успех проповедей все увеличивался. Цвингли не довольствовался одной только воскресной проповедью; почти ежедневно вокруг его кафедры теснились толпы слушателей не только из городского населения, но и из приезжавших на базары поселян. Окончив объяснение Матфея, он перешел к деяниям апостолов, затем стал излагать послания Павла и других апостолов. Христианские истины постепенно стали выясняться перед умами слушателей в том виде, в каком они были завещаны апостолами и первыми христианами, и контраст между ними и тем, чему до сих пор учила церковь, бросался в глаза без всяких комментариев.

Цвингли не ограничивался одной только проповедью Евангелия. Стараясь привить своим слушателям убеждение, что лишь вера, а не внешнее благочестие, доставляет спасение, он в то же время стремился распространить влияние Евангелия на все проявления общественной и нравственной жизни. Он говорил против суеверия и лицемерия, жаловался на падение свободы и чести Швейцарского союза вследствие раздора партий и обычая служить иностранным государям, громил пороки отдельных классов и общий упадок нравственности. Влияние его проповедей на общественное мнение можно было бы уподобить, некоторым образом, влиянию прессы – с тою разницею, что факты обсуждались им с точки зрения не какой-либо партии, а евангельского учения.

Результаты сказались скоро. Когда в окрестностях Цюриха показался продавец индугенций Самсон со своим гнусным товаром, цюрихцы прямо запретили ему вход в город. Сам папа, заискивавший тогда в конфедератах, принужден был для виду выразить Самсону порицание и

приказал ему оставить Швейцарию. А констанцский епископ через своего викария Фабера, бывшего университетского товарища Цвингли, написал последнему благодарственное письмо за то, что он отогнал от стада чужого волка. Эта поддержка епископа снова оживила было надежды Цвингли на то, что реформы в церкви удастся произвести в конце концов вполне легальным путем.

Но и эта надежда, как надежда на Шиннера и Пуччи, не оправдалась. Епископ Гуго фон Ланденберг был человек мягкий, щедрый к бедным, но слабохарактерный и равнодушный к интересам церкви. Чтобы увеличить свои доходы, он и сам раздавал за деньги отпущение грехов, и в монахе, присланном Римом, видел только опасного конкурента. Отсюда и поддержка, оказанная им Цвингли против “чужого волка”. Но дальше этого его сочувствие планам реформатора не шло. Фабер, побывав в Риме, так же скоро переменял фронт и из честолюбия сделался ярким защитником господствующего порядка. Цвингли пришлось убедиться, что с этой стороны ожидать ему нечего.

В 1519 году в Цюрих проникла чума. Цвингли находился в это время на водах в Пфефферсе, где искал на время отдыха от чрезмерно напряженной деятельности, узнав о появлении чумы, он немедленно поспешил домой, чтобы в качестве доброго пастыря делить с прихожанами все их испытания. С мужеством, возбуждавшим всеобщее удивление, он исполнял свои обязанности, навещал опасно больных, принося им утешения религии, пока, наконец, болезнь не сломила и его.

Цвингли был долго и опасно болен. Но крепкий организм не поддался недугу, опустошавшему Цюрих. К концу года он совершенно поправился и с удвоенной энергией принялся за свою прежнюю деятельность.

Впрочем, проповеди Цвингли вызывали восторг далеко не у всех слушателей. Были и такие, которые смотрели на проповедь Евангелия как на опасное нововведение. В других заговорили затронутые личные интересы. Монахи оскорблялись его насмешками над их невежеством. Духовенство стало опасаться, что отвергая божественное происхождение десятинного налога, он вырвет из его рук главный источник его доходов. Но еще большее неудовольствие вызывали нападения Цвингли на наемничество. Смелый проповедник наживал себе непримиримых врагов не только в Цюрихе, но и во всем Союзе. Миконий, получивший в это время место в Люцерне, шутливо замечает по этому поводу: “Прежде говорили, что голос твой так слаб, что тебя еле слышно в трех шагах. Но теперь я вижу, что это неправда – тебя слышно по всей Швейцарии”. Цвингли стали упрекать в том, что он вмешивается не в свое дело, что

священник не должен касаться политики. Даже цюрихский совет, под влиянием усиливающегося ропота, стал относиться подозрительно к этому вмешательству духовного лица в светские дела и издал указ, по которому духовенство, и городское и сельское, должно впредь “толковать Евангелие согласно с духом Св. Писания, а о нововведениях и человеческих измышлениях умалчивать”.

Цвингли не обращал внимания на злобные выходки врагов. Он был глубоко убежден, что священник, несмотря на свою тонзуру, не перестает быть гражданином и что религия должна облагораживать все стороны частной и общественной жизни. Положение же дел было таково, что он не мог не поднять своего предостерегающего голоса.

В это время в Италии между двумя соперниками, Франциском I и Карлом V, снова разгорелась война за герцогство Миланское. Снова появились французские вербовщики, и все кантоны, один за другим, обещали свою помощь Франции. Только один Цюрих, под влиянием Цвингли, устоял против соблазна французских “мешков с кронами”. Но когда вместо французских вербовщиков появились послы от папы и, опираясь на прежние договоры, стали требовать помощи против завоевательных планов Франции, сторонники наемничества одержали верх. Цюрих один из всех кантонов принял сторону Рима, к великому огорчению Цвингли. “Я желал бы, чтоб вы разорвали договор с папой и отправили его обратно, повесив на спину папскому посланнику, – говорил он даже после заключения союза. – Если в какой-нибудь местности появляется волк, вы ударяете в набат, чтобы преследовать его; но от волков, которые губят и тело, и душу, вы не хотите защищаться. Недаром они (кардиналы Шиннер и др.) носят красные шляпы и мантии. Если их встряхнуть, то из них посыплется дукаты и кроны, если выжать – то польется кровь ваших сыновей, братьев, отцов и добрых друзей...”

Тем не менее на Цвингли как на виновника отказа Франции обрушилась ненависть всех партий. Наемники и пенсионеры испугались за свои доходы, агенты иностранных дворов увидели в нем помеху своим планам, союзные же кантоны в его лице не могли простить Цюриху его самостоятельную политику.

В самом Цюрихе многие из прежних приверженцев Цвингли также отвернулись от него. Он должен был даже опасаться за свою личную безопасность. Анонимные письма предостерегали его от яда и внезапных нападений. Сделана была даже попытка похитить его. Но друзья заботливо оберегали реформатора. Часто, когда Цвингли поздно вечером возвращался домой, кучка молодых людей издали незаметно следовала за ним, чтобы

быть под рукой в случае опасности. По ночам дом его охраняла подобная же добровольная стража.

Но церковные власти молчали. Там, в Германии, борьба уже началась. Папская булла, долженствовавшая сразить, как громом, непокорного монаха, была сожжена, и спор двух монахов, каким раньше представлялась близорукому папе вся эта история с индульгенциями, принял характер всемирно-исторического события. Папа, с одной стороны, Лютер, с другой, начинали ожесточенную борьбу за два великих и противоположных принципа: один – за формальный авторитет церкви, другой – за права человеческой совести. Разрыв с церковью был уже совершившимся фактом.

Цвингли, как и Лютер в начале спора, был еще далек от желания полного разрыва с церковью. Узнав, что папа собирается отлучить Лютера, он хлопотал о том, чтоб удержать папу от этого шага в его же интересах. Но когда отлучение было произнесено, он понял, что теперь наступает и его очередь. “Тут не в Лютере дело, а в самом Евангелии”, – справедливо рассуждал он. В письме к Миконию он прямо выражает опасение, что и его постигнет та же участь. И эти опасения были вполне естественны. Молва прямо называла его “швейцарским Лютером”; враги, не стесняясь, ругали еретиком. В 1520 году он формально отказался от небольшой папской пенсии, которую уже давно тяготился, но продолжал принимать, вследствие крайней стесненности своих средств. Другие, более блестящие предложения со стороны папы также были решительно отклонены, а его энергичный протест против военной помощи Риму выставлял его отношение к последнему совсем уж в недвусмысленном свете.

А между тем папа как будто игнорировал все это. В то время, как в других кантонах Швейцарии по требованию легата сжигались не только сочинения Лютера, но даже Эразмово греческое издание Нового завета, в Цюрихе совет приказывал всем священникам “изъяснять Св. Евангелие и Послания однообразно, согласно с духом Божиим и Божественным Писанием Ветхого и Нового заветов”. Целая община обнаруживала, очевидно, опасный дух вольномыслия, а Рим добродушно молчал.

Объясняется это очень просто. Папа был не только главою церкви, но и светским государем и о своих светских интересах радел не меньше, чем о неприкосновенности своего духовного авторитета. Помощь Цюриха, который один из всех кантонов не держал сторону его врагов французов, была ему необходима, и такого союзника надо было беречь. И вот в результате получается курьезный факт: с одной стороны, граждане города оказывают поддержку папе как светскому государю, с другой, – сам город находится на пути к полному освобождению от его духовной власти.

Последнее обстоятельство не подлежит более сомнению. Разрешив, мало того – сделав даже обязательной проповедь Евангелия в Цюрихской области, совет этим самым положил начало церковной реформе в духе протестантизма.

Таким образом, в то время, как в Германии раздавался смелый протест виттенбергского монаха против злоупотреблений римской курии, мужественный швейцарец начинал в Цюрихе борьбу с тем же противником. Совершенно естественно поэтому, что враги не замедлили воспользоваться осуждением Лютера, а чтобы набросить тень и на деятельность Цвингли, стали называть его “вторым Лютером”, его эхом. Но действительно ли проповедь виттенбергского монаха имела влияние на Цвингли, и если нет, то кому из них принадлежит почин в деле Реформации?

Из того, что было выше сказано о ходе развития и первоначальной деятельности Цвингли, ответ на первый из этих вопросов очевиден. Те идеи, которыми Лютер дебютировал в своей реформаторской деятельности, выработались у Цвингли совершенно независимо от первого и высказывались им еще ранее, чем они были публично провозглашены Лютером. Сам Цвингли в одном из своих позднейших сочинений, “Толкование тезисов”, лучше всего опровергает это обвинение своих недоброжелателей.

“Еще раньше, чем кто-нибудь в наших местах услышал имя Лютера, я начал проповедовать Евангелие, – это было в 1516 году. Я никогда не всходил на кафедру, не подготовившись к Евангелию того дня, которое брал за текст моей проповеди. В первый год моего пребывания в Цюрихе, когда я начал толковать целиком все Евангелие от Матфея, никто еще ничего не знал здесь о Лютере, кроме разве того, что он написал что-то против индульгенций. Но для меня это не было новостью, так как благодаря моему дорогому учителю, Виттенбаху, я уже давно знал, что это один обман. Затем, когда вышла книжка Лютера о молитве “Отче наш”, некоторые заподозрили меня, что я издал ее под именем Лютера. Разве тогда меня кто-нибудь считал лютеранином? Все это только уловка папистов. Они говорят: ты лютеранин, ведь ты проповедуешь то же, что пишет Лютер. Но я отвечаю им: ведь я проповедую то же, что и св. Павел, зачем же вы меня не назовете павлианином? Да, наконец, я проповедую Слово Христа, почему же не назвать меня лучше христианином?”

Таким образом, если принять за исходную точку реформаторской деятельности первые проповеди, направленные против внешнего благочестия, против того учения католической церкви о добрых делах,

которое таким возмутительным образом выродилось в торговлю индульгенциями, если, наконец, началом новой эры в истории церкви на Западе считать первую проповедь о том, что спасение заключается только в вере, в одной вере в искупительный подвиг Христа, то окажется, что первым по времени реформатором, в сущности, следует считать Цвингли. То, что Лютер впервые провозгласил в 1517 году в борьбе с Тецелем те идеи, которые он изложил в своих знаменитых тезисах, вывешенных на воротах виттенбергской церкви – это самое Цвингли проповедовал еще в 1516 году собравшимся в Эйнзидельне богомольцам. Подобное же направление уже отчасти проглядывало в его проповедях в Гларусе.

Но вряд ли на этом основании можно приписать Цвингли приоритет в деле Реформации. В сущности, ни он, ни Лютер не были первыми, кто пришел к мысли о необходимости реформы. Новые идеи зарождались одновременно в разных местах, в умах передовых людей, взглянувших на язвы церкви при свете возродившихся наук. Цвингли признает влияние на него Виттенбаха. Но и Виттенбах был далеко не первый, осмелившийся критиковать порчу церкви и искать в Евангелии средств для ее исцеления.

Гораздо важнее было то, кто из этих свободомыслящих людей, до сих пор ограничивавших свой протест лишь тесным кружком своих слушателей, осмелится открыто, перед лицом всего мира, выступить обвинителем папства. Только в этом смысле Цвингли и Лютер получили право на название реформаторов предпочтительно перед другими единомышленниками. И в этом именно смысле нельзя не признать, что, несколько, впрочем, не повлияв на развитие Цвингли, первым по времени реформатором был все-таки Лютер.

И действительно, в то самое время, как Лютер на Вормском сейме открыто порывал со старой церковью, в то самое время, когда громы папского отлучения обрушивались на голову “еретика”, Цвингли не подвергался еще никакой серьезной опасности со стороны церкви, которая, несмотря на его подозрительную деятельность, продолжала относиться к нему с редкою, даже заискивающей любезностью.

В биографии Цвингли нет поэтому таких благодарных драматических моментов, как Вормский сейм или сожжение папской буллы, его выступление на реформаторском поприще не носит того бурного страстного характера, который окружает фигуру германского реформатора каким-то особым героическим ореолом. Но как характер, как тип он не менее велик и интересен, а в своей деятельности имеет над Лютером преимущество в большей последовательности и выдержанности.

Нам кажется нелишним, в интересах понимания Цвингли, провести

некоторую параллель между этими двумя реформаторами, родившимися в одном году, почти одновременно выступившими на арену борьбы с одним и тем же противником и достигшими одинаковых результатов, хотя и различными путями.

Оба из крестьян, Лютер и Цвингли провели свои детство и юность при совершенно различных условиях воспитания и развития. Один – в страшной нищете, под суровым родительским режимом, под постоянным страхом отцовских колотушек и варварских истязаний в школе. Другой – в зажиточной семье, среди любящих родных, под руководством кроткого воспитателя. Из одного, при подобной системе воспитания, под влиянием мрачной религиозности суеверной матери, вышел боязливый покорный юноша, только и заботившийся, что о спасении своей души и искавший этого спасения за стенами монастыря. Цвингли, еще из детства вынесший восторженную любовь к своему отечеству, ученик гуманистов, восхищавшийся гражданскими доблестями древних, никогда не думал бежать от мира и заботиться только о собственном самоусовершенствовании. В нем преобладал гражданин и патриот, мечтавший о полезной деятельности на службе отечества. Для Лютера на первом плане стояло исправление догмы, Цвингли же стремился прежде всего к улучшению форм жизни, к нравственному возрождению общества; исправление догмы для него являлось лишь одной из составных частей его реформаторской задачи.

Лютер совершенно самостоятельно, без постороннего руководства, дошел до своих религиозных убеждений. Они испугали его своей неожиданностью, контрастом с тем, что он исповедовал раньше. Вот почему решимость отделиться от церкви стоила ему такой тяжелой внутренней борьбы. Совершенно иначе происходило религиозное развитие Цвингли. Еще юношей он слышал от своего учителя Виттенбаха такие мысли, которые прямо шли вразрез с учением церкви. Он начал изучение теологии уже не со слепой верой, а с предвзятым недоверием ко всей средневековой схоластике, с убеждением, что чистое христианское учение следует искать лишь в одном Св. Писании. Поэтому, познакомившись с сочинениями Гуса, Виклефа, итальянца Пико делла Мирандолы и других “еретиков”, он не испытал того ужаса, который почувствовал Лютер, когда заметил сходство своих взглядов с их учением. Сам разрыв с церковью не стоил ему сильной борьбы. Он выходит из нее почти нечувствительно для самого себя, и совершенно невозможно указать тот момент, когда в его душе совершился решительный перелом.

Лютера же сами события, можно сказать, вывели на арену церковной

революции – он сделался реформатором в пылу борьбы. Когда он впервые выступил против Тецеля, он затевал борьбу лишь с этим единичным видом злоупотреблений, он и не думал тогда о возможности разрыва. По собственному признанию, “он был лишь по неосторожности вовлечен в это дело и к папе относился с сердечным обожанием”. Еще на лейпцигском диспуте он признавал власть папы и только в 1520 году, с сожжением буллы, открыто отверг его авторитет. В душе Лютер всегда оставался консерватором и охотно остался бы в старой церкви, если бы она не мешала ему проповедовать. Хотя он и признавал Св. Писание единственным авторитетом, однако при замене прежних форм культа новыми оставлял все то, что прямо не противоречило букве этого писания.

Совершенно иначе обстоял разрыв с церковью у Цвингли. Не в увлечении борьбы, а сознательно и обдуманно он вступает на путь реформ. Но в начале его деятельности для него на первом плане стояли вопросы социальные и моральные. Он жаждал вернуть Швейцарию к прежней простоте и чистоте нравов и как истый гуманист и республиканец думал достигнуть этого путем социально-политической реформы. Только постепенно, под влиянием всестороннего знакомства со Св. Писанием и неудачи его первых проповедей в Гларусе против наемничества, он приходит к убеждению, что это нравственное перерождение общества осуществится лишь тогда, когда последнее глубоко проникнется идеями Евангелия. Для него догма не имеет первостепенной важности, и он не считает поэтому нужным начать с нападения на католическую церковь. Он не “обожает” папу, как Лютер, но и ничего не имеет против него как главы церкви. Поэтому и в Гларусе, и в Эйнзидельне он не старается своими проповедями подорвать престиж папства, а стремится лишь просветить своих слушателей, раскрыть перед ними тот богатый источник любви и спасения, какой они имеют в Евангелии. Он еще надеется, что сама церковь согласится, наконец, уничтожить вопиющие злоупотребления и разрешит свободную повсеместную проповедь слова Божия. Надежды эти не оправдываются. И только тогда, когда все средства оказались испробованными, он решительно, и уже не задумываясь более, начинает действовать на собственный страх.

Таким образом, не будучи с самого начала слепым и фанатичным поборником папства, Цвингли только постепенно доходит до убеждения, что его патриотическая мечта – возродить Швейцарию с помощью религии – неосуществима без радикальных реформ в церкви, что для борьбы с усиливающимся нравственным растлением недостаточно одной только проповеди, а необходимо дать церкви такое устройство, при котором она

могла бы успешнее всего воздействовать на общество в желательном смысле. В Гларусе его идеалом было возвращение к первоначальному швейцарскому устройству, теперь его идеалом становится первоначальная христианская община. В этом тесном соединении церковно-реформаторских и социально-патриотических задач и заключается оригинальный характер реформации Цвингли.

С такой вполне осознанной целью Цвингли перешел в Цюрих. Недаром со всех сторон с надеждой и страхом обращались на него взоры друзей и противников. Ему уже было 35 лет, а в сущности он ничем еще не выдвинулся вперед. Его университетские товарищи – Вадриан и Глареан – уже составили себе имя учеными трудами; даже младшие его сотрудники – Эколампаций и Миконий – дебютировали уже в литературе. Цвингли же, за исключением упомянутых стихотворений и некоторых утерянных проповедей, несмотря на свои усиленные занятия и основательную ученость, ничем еще не ознаменовал себя в литературе. Очевидно, ученость была для него не целью, а средством. Он развивал свой ум, обогащал его знаниями, чтобы выступить на арену борьбы во всеоружии. И эта сдержанность, это умение сберечь свои силы для одной высокой цели внушали его друзьям такое безусловное доверие.

Но и в Цюрихе он лишь исподволь приступает к выполнению своей задачи. В этом мужественном пылком воспитаннике гуманистов все уравновешенно и гармонично, его развитие и общественная деятельность не представляют никаких скачков или неровностей. В нем нет и тени консерватизма Лютера. Напротив, его светлый логический ум, направленный главным образом на практические потребности, расположен решительно и беспощадно устранять все препятствия, представляемые предрассудками или привычкой. Поэтому его реформа неизбежно должна быть радикальнее Лютерово́й. Он не допустит никаких компромиссов и, признав единственным авторитетом Св. Писание, с полной последовательностью отвергнет все, что прямо не вытекает из этого источника. Тем более заслуживает поэтому удивления та умеренность, с которой он приступает к осуществлению своей программы. Цвингли – враг полумер, он убежден, что запущенная болезнь требует радикального лечения. Но в то же время он – враг всего насильственного и преждевременного. Прежде, чем совершенно подкопать старое здание, он хочет заложить основание для нового. Поэтому он и в Цюрихе не нападает прямо на церковь – он лишь знакомит народ с чистым христианским учением и наставляет его, как следует жить по-евангельски. Когда истинное Божество проникнет в сердца людей, ложные кумиры падут сами собой и

всякие сделки со старым суеверием станут нравственно невозможными.

Глава IV. Реформы Цвингли

Проповедь о посте и ее последствия. – Протест епископа и открытые послания Цвингли. – Начало враждебных действий. – Папские заигрывания. – Первый диспут и его мотивы. – Тезисы Цвингли. – Цвингли и Фабер. – Последствия диспута. – “Объяснение тезисов”. – Реформа соборного капитула и Фрауенмюнстера. – Открытие монастырей. – Женитьба реформатора. – Иконоборство и второй диспут. – Окончательная реформа культа

Прошло уже более трех лет с тех пор, как новый проповедник впервые стал знакомить своих слушателей с учением Евангелия. В течение всего этого времени Цвингли неутомимо работал в том же направлении, и при свете новых идей все рельефнее одна за другой стали выступать темные стороны римской церкви. Умы находились в сильном возбуждении. Богословские вопросы сделались обычной темой разговоров и часто случалось, что священники и монахи, продолжавшие кормить народ старыми баснями, грубо прерывались своими слушателями и уличались в невежестве. Тем не менее, до открытого нарушения церковных предписаний пока еще не доходило.

Но в начале 1522 года долго сдерживаемое возбуждение, наконец, прорвалось наружу. Произошло это по следующему поводу.

В марте 1522 года Цвингли высказал с кафедры ту мысль, что запрещение известной пищи не имеет никакого основания в Св. Писании. Под влиянием этой проповеди несколько цюрихских граждан осмелились нарушить пост. В сущности, преступление заключалось лишь в том, что они стали употреблять мясо, не уплатив обычного взноса за право несоблюдения поста. Но там, где дело шло об охране выгодных статей дохода, церковь, как известно, отличалась особенной бдительностью. Проступок этих нескольких граждан заставил встрепенуться даже самого констанцского епископа. Не довольствуясь тем, что виновные были арестованы и подвергнуты наказанию, епископ отправил в Цюрих целое посольство с жалобой на усиливающиеся беспорядки. Совет выслушал и послов, и Цвингли и приказал не нарушать постов до тех пор, пока вопрос этот не будет специально рассмотрен комиссией из прелатов.

Но этим дело не кончилось. Так как проповедь в церкви толковалась врагами вкривь и вкось, Цвингли решил напечатать ее. Он не требовал собственно отмены постов. Становясь на точку зрения апостола Павла в его

послании к римлянам, он говорил, что воздержание от пищи есть дело личной совести, что истинное благочестие – в вере и любви и что запрещение той или другой пищи противно смыслу Евангелия и свободе христианина.

Это было первое сочинение Цвингли в духе реформы и оно не замедлило поднять бурю. Епископ снова обратился с пастырским посланием, на этот раз к соборному капитулу, и потребовал, чтобы против нововведений были приняты строгие меры. Он и сам допускал, что в церковь вкралось многое, что противоречит Писанию, но тем не менее настаивал на том, что “общее заблуждение составляет уже право” и что церковные обычаи ненарушимы.

Когда это послание было прочитано в капитуле, глаза всех невольно обратились на Цвингли, также бывшего каноником. Последний спокойно поднялся с места и заметил: “Так как я вижу по вашим лицам, что и вы считаете это послание направленным против меня, то я прошу вас передать его мне. С Божией помощью я отвечу на него так, что каждый сумеет различить, где правда и где обман”.

Ответ этот и появился 22 августа 1522 года под заглавием “Archeteles” (т.е. начало и конец). Это меткое полемическое сочинение, местами звучащее довольно ядовитой иронией и опровергающее в 69 параграфах все обвинения епископа. Тут же автор вызывается защищать свои взгляды на публичном диспуте.

Но еще раньше, чем появился “Archeteles”, Цвингли сделал шаг, который должен был привести его к серьезному столкновению с церковной властью.

В июле того же года он опубликовал два открытых послания. Первое, подписанное им самим и еще девятью священниками, было озаглавлено следующим образом: “Прошение нескольких швейцарских священников к преподобному епископу Гуго Констанцскому, чтобы он не давал себя восстанавливать против проповеди Евангелия и не терпел более разврата, а позволил священникам брать себе законных жен или, по крайней мере, смотрел на вступление их в брак сквозь пальцы”.

Другое послание, без подписей, было обращено ко всему Швейцарскому Союзу и имело подобное же содержание.

Послания эти представляют весьма ценный исторический документ. Всем известно, к каким гибельным результатам привело безбрачие духовенства, установленное Григорием VII с целью сильнее привязать последнее к интересам папского престола, какой соблазнительный пример духовные подавали своим поведением тем, кому должны были служить

образцом нравственной чистоты. Но из этих посланий мы узнаем некоторые любопытные подробности. Мы узнаем, например, что епископы старались извлечь для себя пользу даже из разврата, продавая священникам за деньги разрешение брать себе наложниц и взимая налог с каждого незаконнорожденного их ребенка; что в некоторых местах сами прихожане обязывали каждого нового священника держать в доме конкубину, чтобы уберечь от него собственных жен. Чтобы положить предел всем этим безобразиям, Цвингли, – как единственное средство – предлагает разрешить духовенству вступление в брак, не запрещаемый ни Ветхим, ни Новым заветом.

Шаг был, несомненно, смелый. Раскрыть с такою правдивостью одно из самых больных мест католицизма – значило прямо объявить ему войну. Цвингли, конечно, не мог ожидать, что епископ согласится принять предложенную им меру исцеления. Это даже не было в его власти, а могло разве исходить от собора. Открытое послание к епископу было для Цвингли лишь своего рода переходом через Рубикон.

Борьба, таким образом, началась. На союзном сейме в Люцерне жалобы епископа были выслушаны с большим сочувствием, чем в Цюрихе. Под влиянием пенсионеров, ненавидевших реформатора, сейм решил принять строгие меры против новых проповедников и в виде острастки велел арестовать одного из приверженцев Цвингли, священника Вейсса.

Зато в Цюрихе настроение становилось все более и более благоприятным для реформы. Цюрихские войска, одержав блистательные победы на стороне папы, вернулись домой, разочарованные в том деле, за которое сражались. Папа Лев X умер, не уплатив им всего следуемого жалованья, а новый папа Адриан кормил их пока одними обещаниями, хотя и не переставал ухаживать за ними и вербовать к себе на службу. Сделана была также новая попытка задобрить Цвингли. Папский легат Энний в конце 1522 года привез ему от папы письмо, в котором последний называл его своим “возлюбленным сыном” и сулил величайшие милости, если он станет поддерживать его интересы. Со своей стороны, папский легат имел полномочие не щадить ничего для этой цели. По собственному свидетельству, он мог предложить Цвингли “все, кроме папского престола”.

Письмо папы не произвело на Цвингли никакого впечатления. Как раз в это время ему удалось сделать довольно значительный шаг вперед. Цюрихский совет разрешил устройство публичного диспута, на котором Цвингли должен был, на основании Св. Писания, доказать правильность своего учения.

Причины, побудившие Цвингли на этот шаг, вполне понятны. В самом

деле, почва для реформы была расчищена, откладывать ее дольше, ввиду обострившихся отношений с церковью, становилось невозможным. Но кому же должна была принадлежать инициатива? Папе? Об этом и думать было нечего. Собору? Это, конечно, было самое благоразумное в глазах тех, кто верил в непогрешимость этих собраний. Но Цвингли не питал на этот счет никаких иллюзий. Примеры последних соборов – Констанцкого и Базельского – были слишком красноречивы. Первый осудил на костер Яна Гуса, дерзнувшего обличать испорченность католического духовенства; второй, после долгих бесплодных прений, разошелся без всяких результатов. Нечего было поэтому и ожидать, чтобы собор, созванный папой, под председательством его легатов, согласился выслушать еретиков и допустил, чтобы Св. Писание сделалось единственным авторитетом в делах веры. Оставалось одно – отдать дело реформы под покровительство светской власти. Лютер обратился для этого к князьям. Цвингли как республиканец решил вверить реформу самому народу, который был представлен в лице совета.

Цвингли приготовился к диспуту. Он заранее составил 67 тезисов, в которых изложил сущность своего учения и напечатал их на немецком языке. Эти тезисы как программа его будущей реформаторской деятельности так важны, что мы приведем некоторые из них в буквальном переводе:

1) Ошибаются и богохульствуют те, которые не придают никакого значения Евангелию, если оно не подтверждено церковью.

3) Иисус Христос – единственный путеводитель к спасению, поэтому, кто ищет или указывает другую дверь, тот убийца душ и тать.

7) Христос – глава всех верующих, которые суть его члены и без своего главы мертвы и бессильны. – Эти-то члены и составляют церковь или общину святых, невесту Христову, *ecclesia catholica*.

17) Христос – единый и вечный первосвященник; поэтому те, которые выдают себя за таковых, посягают на честь и славу Христову (Таким образом, отрицается верховный авторитет *папы*).

18) Христос, принесший себя за нас в жертву, служит вечной искупительной жертвой для всех верующих; из этого следует, что *месса* не жертва, а только память о жертве.

19) Христос – единственный посредник между людьми и Богом. Таким образом, отвергается *заступничество святых*.

24) Никакой христианин не обязан сделать того, что не повелено Богом; он может употреблять всякую пищу во всякое время.

26) Ничто так не противно Богу, как лицемерие; из этого следует,

что всякое стремление показывать себя святым пред людьми есть тяжкое лицемерие и преступление. Поэтому должны быть уничтожены монашеские рясы, клобуки, значки, тонзура.

27) Все люди суть братья Христовы и между собой. Поэтому они не должны никого на земле поставлять себе отцом. Вследствие этого уничтожаются секты, ордена, общества.

28) Все, что Бог позволил и не запретил, хорошо; из этого следует, что брак дозволителен всем людям, и те духовные, которые, чувствуя, что Бог не дал им дара чистоты, все-таки не женятся – грешат.

31) Отдельный человек не может наложить на другого отлучение, а только церковь, то есть совокупность всех лиц, между которыми живет заслуживший это наказание, вместе с их епископом, то есть священником.

34) Духовная власть не имеет никакого основания в учении Христа; только светская власть подтверждается этим учением.

37) Последней все христиане обязаны повиноваться.

38) Если она не требует ничего, что противно Богу.

42) Если же она поступает противозаконно, то с Божией помощью ее следует сместить.

50) Бог один прощает грехи и только ради Иисуса Христа, Своего Сына.

51) Поэтому те, которые приписывают эту власть человеку, посягают на честь Божию и совершают святотатство.

52) Из этого следует, что священник, исповедующий грешника, не может отпустить ему грехов, а только дать совет.

53) Что эпитимии, наложенные людьми (за исключением отлучения), не смыывают греха, а лишь служат для устрашения других.

56) Что тот, кто разрешает от грехов за деньги, есть настоящий апостол дьявола.

57) Св. Писание не знает ничего о чистилище после смерти.

58) Только одному Богу известна участь умерших.

61) Св. Писанию чужд тот характер, который приняло духовное сословие в последнее время.

62) Св. Писание признает только тех священников, которые возвещают слово Божие.

66) Духовные власти должны скорее смириться и воздвигнуть крест Христов, иначе их гибель близка: секира лежит у корня дерева.

Тезисы Цвингли представляют один из замечательнейших памятников

Реформации. Лютер в начале своего реформаторского поприща не имел еще сам определенной программы деятельности. Его 95 тезисов 1517 года касаются только одного пункта церковного учения, именно отпущения грехов. Даже в данное время у его последователей не было еще точно сформулированной программы, которая заключала бы в себе все принципы реформации. Этот пробел восполняется тезисами Цвингли. Мы находим здесь полную программу нового устройства *церкви* и не только церкви, но даже в некотором отношении и *государства*. Война объявлена не одним только злоупотреблениям курии. Признавая единственным главою верующих Иисуса Христа, единственным авторитетом – Св. Писание, Цвингли этим самым отрицает не только папство, но и всю римско-католическую церковь, со всем ее историческим развитием, со всем длинным рядом ее институтов – со святостью и значением духовного сословия, с мессой, монашеством, с ее культом святых, правом исповеди и отпущения грехов и тому подобное. Понятие церкви переносится с духовного сословия на всю общину верующих, как это и было в первоначальных христианских общинах; божественное происхождение признается только за светскою властью. Но и последняя имеет право на безусловное повиновение со стороны подданных лишь в том случае, если она подчиняется божественному закону.

Диспут был назначен на 29 января. Приглашения были посланы епископу Констанцскому, союзному сейму, заседавшему тогда в Бадене, всему духовенству кантона и многим ученым. Но только немногие откликнулись на это приглашение. Союзные кантоны, за исключением Шафгаузена, отказались послать своих представителей, находя неприличным, чтобы такие важные вопросы обсуждались иначе, как на вселенском соборе или, по крайней мере, в городе, где есть университет. Из друзей Цвингли приехали только Вадан из Санкт-Галена, Себастьян Майер из Берна и Себастьян Гофмейстер (или Вагнер) из Шафгаузена. Но чтобы диспут дал какие-нибудь решительные результаты, необходимо было, чтобы в нем приняли участие и выдающиеся противники, а главное, – чтобы были представители и от епископа. Поэтому Цвингли с особенною радостью узнал о том, что Фабер собирается на диспут. “Ходят слухи, – пишет он 11 января Эколампадию, – что сюда едет констанцский викарий. Дай Бог, чтобы его ничто не удержало, дабы – прибавляет он с иронией человека, заранее уверенного в победе, – ни Рим, ни Констанц не были лишены своих обычных триумфов”.

Фабер был далеко не ничтожным противником. Он был красноречив, ловок, знал хорошо Св. Писание и, кроме того, обладал громадной

начитанностью по церковной истории и творениям отцов церкви. Тем не менее, епископ вовсе не думал выставлять его оппонентом Цвингли. Он не мог допустить, чтобы Божественные вещи подвергались публичному обсуждению, и четверо его уполномоченных имели инструкцию “не диспутировать, а только выслушать, дать совет и устранить несогласия”.

В четверг 29 января 1523 года в зале большого совета собралось уже с раннего утра около 600 человек. Большинство собравшихся составляли духовенство кантона и знатные светские и духовные лица. Все находились в напряженном состоянии. Посредине залы, перед полукругом членов большого и малого советов, за отдельным столиком сидел сам Цвингли. Перед ним как единственное оружие лежала Библия в нескольких изданиях.

Заседание было открыто речью бургомистра Маркуса Реуста, который объяснил собравшимся цель диспута, приглашая высказаться всякого, кто не согласен с учением реформатора. Вслед за тем поднялся и Цвингли и произнес речь, приблизительно следующего содержания: уже четыре года, как он проповедует в Цюрихе одно только чистое неприкрашенное слово Божие, а между тем многие его называют еретиком, соблазнителем, обманщиком. Поэтому он и добивался диспута и содержание своих проповедей изложил в тезисах, которые вызывается теперь защищать перед всяким, считающим его учение не христианским.

Но епископские легаты и не думали вступать в прения. Фабер заявил, что не уполномочен диспутировать и что обсуждение таких важных вопросов подлежит только вселенскому собору. “Если здесь будет что-нибудь решено, то что же скажут на это в Испании, Италии, Франции, на севере? Нам известно, что в Нюрнберге имперскими чинами решено созвать еще в течение этого года смешанный собор из светских и духовных лиц. Надо дожидаться этого собора. Если же во что бы то ни стало хотят диспутировать о таких вопросах, то следовало бы по справедливости устроить диспут в университетском городе – в Париже или Кельне”.

Тогда Цвингли снова заговорил: “Господин викарий пускает в ход всякие уловки, чтобы отговорить вас от вашего намерения. Он говорит, что нельзя идти против старых похвальных обычаев. Но нам нет дела до их давности, мы хотим знать, согласуются ли они с истиной. Он говорит, что такие вопросы могут обсуждаться только на большом собрании или вселенском соборе, но я спрашиваю: разве не представляет такового и настоящее собрание, на котором присутствуют многие ученые богобоязненные священники и епископы? Ведь в старину епископы были духовными пастырями, а не могущественными прелатами”. Затем, доказав, как мало можно надеяться на созвание обещанного собора, он опроверг и

возражения Фабера, что только университеты могут быть судьями. “Мы имеем здесь непогрешимого и беспристрастного судью – это Св. Писание. Оно не обманет нас. И в Цюрихе есть немало людей, знающих три языка, как никто при университетах. Поэтому не пугайтесь, не давайте отложить дело в долгий ящик. Вы, цюрихцы, должны считать особой милостью Бога, что в вашем городе началось такое дело в честь истины. Призовите Бога – Он не откажет вам в своем вразумлении, но не давайте себя опутать гладкими фразами”.

На эти слова не последовало возражения. Те самые, которые раньше громко и угрожающе называли его еретиком, теперь не находили слов для ответа. Напрасно бургомистр вызывал оппонентов, напрасно сам Цвингли просил, во имя христианской любви, просветить его, если он ошибается. Один из его приверженцев даже воскликнул с насмешкой: “Где же те крикуны, которые хотели нас сжечь и вызвались снести дрова на костер? Выступайте же теперь, если смее!” Но все оставалось безуспешно. Прения, к великому удовольствию викария, не завязались, и собрание, по видимому, должно было разойтись без всяких результатов.

Но тут случилось одно обстоятельство, которое совершенно неожиданно дало делу другой оборот. Один из присутствовавших пасторов упомянул о недавнем аресте Вейсса, отвергавшего заступничество святых, заметив, что раз никто не хочет возражать Цвингли, то, очевидно, и с Вейссом поступили несправедливо. Фабер счел нужным оправдать поведение епископа и при этом сообщил, что Вейсс скоро будет освобожден, так как, убежденный его, Фабера, доводами, он готов отказаться от своих прежних заблуждений.

Цвингли быстро сообразил, какую неосторожность совершил Фабер. “Сам Бог, видно, внушил господину викарию коснуться этого вопроса о заступничестве святых, – подхватил он с живостью. – Ведь это один из тех пунктов, по которым я обвиняюсь. Св. Писание учит нас лишь тому, что Христос – единственный посредник между нами и нашим Небесным Отцом. Так как господин викарий открыто хвастает, что он убедил фислисбахского священника в противном доводами из Св. Писания, то я прошу лишь одного: пускай он назовет те главы и изречения Писания, которыми он опроверг его. Если я ошибался, то охотно признаю свое заблуждение”.

Фабер почувствовал, что попался. Он попробовал увернуться от прямого ответа, произнес длинную речь о ересьх первых веков, которые теперь выступают наружу, но все эти увертки не привели ни к чему. Его отказ защищать свое дело на основании одного только Писания, в

сущности, равнялся молчаливому признанию своего бессилия. Бургомистр снова вызвал желающих оппонировать и, не получив ответа, объявил заседание закрытым. “А оружие, которым был сражен фислибахский священник, что-то не выходит из ножен!” – не удержался и он от насмешливого замечания.

Победа была явно на стороне Цвингли. Оставшиеся в зале члены совета скоро пришли к следующему решению: так как Цвингли не был ни опровергнут, ни уличен в ереси, то он должен продолжать проповедовать Евангелие по-прежнему. То же самое должны делать и остальные городские и сельские священники. Обе стороны должны воздерживаться от взаимных оскорблений.

Только вечером, когда духовенство снова собралось, чтобы выслушать решение совета, Фабер, желавший сгладить произведенное им невыгодное впечатление, попробовал было снова возобновить прения. Под предлогом, что только теперь прочел тезисы Цвингли, он вызвался доказать их ложность пред всеми присутствующими. Завязался оживленный спор. Но и теперь победа осталась на стороне Цвингли. Несмотря на все свое красноречие, Фабер со своими схоластическими приемами не мог устоять против Цвингли, побивавшего своего противника аргументами из Писания, ясными и вразумительными для всякого.

Цвингли мог быть совершенно доволен результатами диспута. Он, конечно, не льстил себе надеждой, что в несколько часов успел убедить своих противников. Ему лишь нужно было иметь случай развить свои взгляды перед всем цюрихским духовенством, выставить ясную и определенную формулу реформационных принципов. Его красноречие и ученость увлекли окончательно тех, кто до сих пор еще колебался стать на его сторону, а молчание противников как красноречивое признание их бессилия принесло ему пользы больше, чем его речи. Но еще важнее был другой результат диспута. До сих пор Цвингли не имел другой опоры, кроме обаяния своей собственной личности. Теперь само правительство брало под защиту его учение и уполномочивало его довершить начатое им дело. Теперь все, что бы он ни предпринимал, не могло быть сочтено за нелегальное новшество частного лица – оно принимало характер реформы, предпринятой и руководимой светской властью. Решением, принятым после диспута, Цюрих отделился от констанцского епископа, и община верующих, представляемая советом, вступила в обладание теми правами, которые раньше принадлежали церкви.

Так как Цвингли во время диспута не удалось обосновать свои тезисы со всею полнотой, то он решил сделать это печатно. В пять месяцев,

работая и днем и ночью, он написал довольно объемистый труд “Объяснение тезисов” – одно из замечательнейших произведений не только Цвингли, но и всей реформационной эпохи.

Со времени диспута изменения в церковных обычаях и реформы в церкви следовали одни за другими. Мы видели, каким радикальным характером отличается программа Цвингли. Тем более заслуживает удивления та благоразумная осторожность и терпимость, с которой реформатор приступает к ее осуществлению. Ничего насильственного, никакой поспешности, чтобы воспользоваться плодами своей победы. “Противно Евангелию и разуму употреблять насильственные меры против заблуждений. Только убеждение и вразумление – вот единственное оружие, которым должен пользоваться христианин; если оно оказывается недостаточным, то обращение заблуждающихся должно предоставить времени и могуществу истины”.

От этих принципов Цвингли почти никогда не отступал. Первые его шаги на пути новых реформ поэтому были не разрушительного, а мирного, созидательного характера. Прежде всего он позаботился о том, чтобы латинский язык в богослужении был заменен немецким; переведены были многие молитвы, и Лео Юд составил немецкую формулу крещения, которая была официально принята в том же году. Но особенно важна была реформа соборного капитула. По своим богатствам и обширным правам капитул представлял своего рода государство в государстве. Члены его предавались праздной и роскошной жизни, нисколько не заботясь о нуждах населения. Цвингли, который с 1521 года сам был каноником, решил обратить его богатые доходы на нужды народного образования. Ему удалось убедить своих сотоварищей самим принять на себя инициативу реформы, не дожидаясь вмешательства светских властей, и благодаря этому в сентябре 1523 года между капитулом и советом состоялось соглашение, по которому первый отказывался от своих светских прав и привилегий и обязывался содержать необходимое для города число проповедников. Все духовные требы впредь должны совершаться для народа безвозмездно. За это каноники сохраняют право пользоваться своими доходами пожизненно, и только после смерти кого-нибудь из них доходы с освободившегося места употребляются на учреждение профессорских кафедр с бесплатным обучением. Избыток доходов передается госпиталю и бедным в приходе.

Примеру капитула скоро последовал и богатый женский монастырь Фрауенмюнстер, на средства которого была учреждена семинария для подготовки священников. Вместе с тем монахам и монахиням позволено было выходить из монастырей. Духовенству разрешено вступать в брак.

Первый случай бракосочетания священника произошел уже в апреле 1523 года. С тех пор духовные один за другим стали вступать в брак, а 2 апреля 1524 года сам Цвингли публично отпраздновал свою свадьбу с Анной Рейнгард (с которой, впрочем, уже раньше находился в тайном браке).

Но, несмотря на все эти крупные нововведения, сам католический культ оставался еще неприкосновенным. По-прежнему духовенство служило мессу, храмы красовались в своем прежнем убранстве, статуи и изображения святых оставались нетронутыми. Только число проповедей было увеличено, и реформатор, поддерживаемый своими коллегами, в особенности Лео Юдом, с неутомимым усердием старался просвещать народ.

Но умеренность Цвингли разделялась далеко не всеми его приверженцами. Некоторые беспокойные головы находили непростительным терпеть долее старые суеверия и принялись совершать разные бесчинства в церквах. Особенное впечатление произвело разрушение большого распятия у городских ворот, считавшегося в народе святыней. Необходимо было принять энергичные меры. Сам Цвингли доказывал, что Моисеев закон категорически запрещает поклонение изображениям и что этот закон, данный евреям, обязателен и для христиан, так как не был отменен Евангелием. Тем не менее, он считал поступок иконоборцев заслуживающим наказания со стороны светской власти как самоуправство.

Мнения в совете разделились. Большинство стояло на стороне Цвингли, но опасалось восстановить против себя союзные кантоны. Однако ввиду беспорядков необходимо было принять окончательное решение, и с этой целью назначен был на 28 октября второй диспут.

На этот раз участие в диспуте не только союзные кантоны, но и констанцский епископ, отказались принять. Только Шафгаузен и Санкт-Галлен по-прежнему послали своих уполномоченных, которые были избраны президентами собрания. Всего в зале собралось около 900 человек – из них более 350 принадлежало к духовному сословию. На обсуждение присутствующих были предложены 2 вопроса – согласуется ли со Св. Писанием почитание икон и следует ли считать мессу жертвой.

Мы не будем передавать подробностей этого второго диспута, продолжавшегося три дня. Присмирившие каноники и невежественные монахи, конечно, не могли быть серьезными оппонентами. Одни молчали, другие, после коротких дебатов, признавали себя убежденными доводами Цвингли и Лео Юда. На оба вопроса был дан отрицательный ответ.

Впрочем, совет не сразу решился на энергичные меры. Окончательное решение вопроса было отложено до весны 1524 года, а в продолжение этого времени желающие могли представить свои возражения. Кроме того, опрошено было мнение и сельских общин, которые высказались совершенно в духе реформатора.

Заручившись, таким образом, поддержкой народа, совет перестал колебаться. Не обращая внимания на протесты епископа и конфедератов, он издал 15 мая 1524 года указ об отмене мессы и изображений.

Вслед за тем был предпринят целый ряд других реформ. Отменены были процессии и праздник Тела Господня, гробницы святых открыты и их останки преданы погребению, органы вынесены из церквей, запрещен был колокольный звон по умершим, освящение пальмовых ветвей, соли, восковых свечей и даже последнее миропомазание. Наконец всем желающим разрешено было причащаться под обоими видами.

Реформа была, действительно, радикальная, гораздо радикальнее, чем реформа Лютера. Церкви стали неузнаваемы. Эти голые стены, с которых были стерты все изображения, отсутствие церковной музыки, богослужение, состоявшее только из проповеди и пения псалмов, – все это придавало реформаторскому культу какой-то рассудочно-холодный характер. Церковь стала походить на школу, в которой читалось и разъяснялось Евангелие.

Но в то время подъем религиозного духа был так силен, что это столь простое, малоговорящее чувство богослужение наполняло сердца молящихся. Гораздо большим благоговением, чем пышные церемонии католического культа. Когда 13 апреля 1525 года реформированная община в первый раз причащалась под обоими видами, все участники этой “трапезы любви” чувствовали себя как бы перенесенными в первую эпоху христианства. Казалось, дух братства и любви снизошел, наконец, на людей. Вчерашние враги обнимались и клялись забыть взаимные обиды. Все чувствовали себя точно возродившимися для новой лучшей жизни.

Благодаря этому подъему религиозного чувства Цвингли удалось осуществить и другую часть своей программы. Еще в 1523 году бургомистр, совет и все духовенство кантона торжественно поклялись не принимать больше иностранных пенсий. Целым рядом других мер и реформ Цвингли старался достигнуть того, чтобы новое настроение общества не оказалось мимолетной вспышкой, а сопровождалось прочным нравственным обновлением.

Глава V. Продолжение реформ

Заботы реформатора о народном образовании. – Основание Каролинума. – Перевод Библии. – Теологические лекции. – Организация общественной благотворительности. – Заботы о поднятии нравственности и устав 1530 года. – Учреждение брачных судов. – Синод и его значение. – Литературная деятельность Цвингли. – “Commentarius de vera ei falsa religione”

Одной из самых практически важных сторон реформации являются те заботы, которые она посвящает делу народного образования. Могущество римской церкви было основано на умственной неразвитости массы. Чтобы поддерживать слепую веру в авторитет римского престола, необходимо было отнять у нее всякую возможность критиковать его постановления. Совершенно иначе относятся к народу реформаторы. Признав единственным авторитетом в делах веры Св. Писание, они, естественно, должны были позаботиться и о том, чтобы это Писание стало доступно всякому, чтобы непосредственное общение с Божеством перестало быть монополией духовного сословия. Отсюда переводы Библии на народный язык, изгнание непонятной латыни из богослужения, заботы о поднятии уровня развития как всего народа, так и духовенства. Это – черта, общая всем реформаторам, естественный вывод из формального принципа протестантизма, заменившего авторитет папства авторитетом Св. Писания.

Тем сильнее должна была выступать эта практическая сторона в реформах Цвингли, который с самого начала поставил себе задачей религиозно-нравственное перевоспитание общества и предоставлял общине право самоопределения и самоуправления в церковных делах. И действительно, наряду с преобразованиями в церкви мы видим реформатора озабоченным целым рядом мер, чтобы проповедуемое им евангельское учение вошло в плоть и кровь общества, сделалось источником его нравственного возрождения.

Прежде всего, конечно, предстояло позаботиться о том, чтобы сами духовные руководители стояли на высоте своего призвания. Уже 9 ноября 1523 года, еще раньше, чем была уничтожена месса и изображения святых, Цвингли написал “Краткое христианское руководство” для цюрихского духовенства. В этом руководстве излагались основные пункты нового учения, указывались обязанности духовных лиц и рекомендовались те сочинения, с которыми каждому из них необходимо познакомиться. Но

этого, понятно, было недостаточно. С 1525 года Цвингли ревностно трудится над тем, чтобы обеспечить церкви достойных, хорошо подготовленных служителей.

Мы знаем уже, что одним из первых актов реформации было раскрытие монастырей. Старикам разрешалось по желанию доживать в них свой век, но молодые монахи обязаны были либо научиться какому-нибудь полезному ремеслу, либо заняться науками. Монастырские же имущества были обращены на нужды общественного образования и благотворительности. Первый пример подобного употребления церковных имуществ был дан, по инициативе реформатора, соборным капитулом в Цюрихе. Под влиянием Цвингли же аббат Каппельского монастыря устроил у себя школу, в которую пригласил преподавателем молодого ученого, Генриха Буллингера, впоследствии преемника Цвингли в Цюрихе. В этой школе, сделавшейся со временем рассадником богословского образования, сам аббат со всеми монахами стали обучаться древним языкам для уразумения Св. Писания. В 1525 году Цвингли принял в свое заведование школьное дело, и с тех пор дело народного и высшего образования было поставлено на прочное основание.

В Цюрихе и до реформации не было недостатка в школах. Но низшие школы готовили только для церковной службы, а высшие заведения, также назначенные лишь для духовных, находились в таком запущенном состоянии, что любознательная молодежь предпочитала искать образования в Базеле или других городах. Цвингли совершенно изгнал из этих заведений прежний схоластический дух. Он устраивал новые школы, преобразовывал старые, приглашал хороших преподавателей и лично следил за ходом преподавания. Одним из главных сотрудников его в этом деле был Миконий, потерявший свое место в католическом Люцерне.

Но особенное внимание реформатора было обращено на устройство высшего учебного заведения, которое могло бы снабдить церковь научно образованными проповедниками и учителями. В качестве гуманиста Цвингли положил в основу теологического образования древние языки – латинский, греческий и еврейский. Хотя на первом плане стояло основательное знакомство со Св. Писанием, но изучение классиков и древностей и само по себе занимало в программе очень видное место. Цвингли никогда не считал науку и религию чем-то несовместимым. По его мнению, разум нисколько не исключает искренней веры, а истинное знание – одно из действительнейших средств для нравственного облагораживания человека.

Такова была программа Каролинума – академии, учрежденной

реформатором в 1525 году. Это было излюбленное детище Цвингли, на содержание которого он не жалел никаких средств. Лучшие профессора из Германии и Швейцарии были приглашены на кафедры языков, сам Цвингли также читал лекции по теологии. Мало-помалу эта академия сделалась настоящим рассадником просвещения для немецкой Швейцарии, а Цюриху, слывшему до тех пор невежественным городом, доставила репутацию “швейцарских Афин”.

Другим могущественным средством для религиозного развития масс является перевод Библии. “Единственное, что поддерживает христианство и церковь – это понимание Св. Писания, – говорит Цвингли. – Единственное, что подрывает их, – это непонимание его”. Он справедливо полагал, что Библия, доступная народу, будет самым лучшим его руководителем.

Перевод Библии, начатый в 1524 году в сотрудничестве с Лео Юдом, реформатор закончил в 1529 году. Успех перевода был колоссальный. Одно издание следовало за другим, книгопродавцы с трудом могли удовлетворять публику. Библия, так долго скрываемая Римом от христиан, сделалась, наконец, тем, чем должна была быть – настольной книгой каждого верующего.

Совершенно своеобразным для того времени учреждением Цвингли являются публичные лекции по теологии, заведенные им в том же 1525 году. В качестве профессора теологии Цвингли, по образцу ветхозаветных пророков, придавал своим лекциям такую форму, что в них мог принимать участие и народ. Ежедневно, за исключением пятниц и воскресений, в большом соборе собирались рано утром все проповедники, каноники, профессора, учителя и учащая молодежь. Предметом чтения служило какое-нибудь место из Св. Писания, которое прочитывалось в оригинале и затем переводилось на понятный всем язык; при этом сравнивались различные тексты и перевод сопровождался различными комментариями. Ученые обменивались замечаниями, присутствующая публика могла, в свою очередь, предлагать вопросы и высказывать свои соображения. Когда данный отрывок был исчерпан в научном отношении, один из городских пасторов всходил на кафедру и говорил на этот текст проповедь, применяя ее смысл непосредственно к практической жизни. Легко понять действие этих чтений в такое время, когда Писание составляло центр общественного образования, когда религиозные вопросы волновали все умы и служили обычной темой разговоров. Мужчины и женщины массами стекались на них; многие граждане принялись даже изучать древние языки, чтобы иметь возможность читать Библию в оригинале. Примеру Цюриха последовали

Базель, Берн и Санкт-Галлен, где публичное толкование Библии также имело большой успех. В самом же Цюрихе это учреждение просуществовало более тридцати лет и только после того, как весь народ оказался достаточно подготовленным к самостоятельному чтению Библии, лекции в соборе утратили свой публичный характер и стали служить лишь для учебных целей.

Не менее замечательны и заботы реформатора об усилении и правильной постановке общественной благотворительности. На обширные средства, полученные от секуляризации церковных имуществ, в Цюрихе устроена была целая сеть благотворительных учреждений. Нищенство и бестолковая раздача милостыни запрещены – вместо этого для помощи нуждающемуся населению устроены запасные магазины, из которых особые служащие раздавали и даже разносили на дом съестные припасы бедным и больным; учреждены были богадельни, гостиницы для бедных проезжих, больницы и особые чумные госпитали.

Не довольствуясь теми результатами, которых можно было ожидать непосредственно от распространения евангельского учения, Цвингли старался и законодательным путем содействовать усилению нравственной дисциплины в народе. Начиная с 1525 года, совет издает целый ряд указов в этом направлении. Большинство сохранившихся проектов написаны рукой самого реформатора. Таким образом, в городе и сельских общинах были учреждены суды по брачным делам, состоявшие из светских и духовных членов и обязанные следить за нравственностью граждан. Обычным наказанием за разврат или нарушение супружеской верности служило церковное отлучение; наиболее упорные, многократно избалованные грешники подвергались изгнанию и даже смертной казни. Цвингли особенно старался противодействовать чрезвычайно распространенному обычаю разрывать брачные узы по пустой прихоти. Ему первому принадлежит введение церковных книг для записывания в них крестин и свадеб, так как в то время случаи двойных браков были весьма часты. Родителям и опекунам запрещено принуждать молодых людей к браку. Изданы были также законы против чрезмерной расточительности, пьянства, азартных игр и тому подобных проступков. Последний устав 1530 года отличается в этом отношении особенной строгостью. Число трактиров было ограничено, а содержатели их обязывались не отпускать по праздникам вина до обедни, запираать свои заведения не позже 9 часов вечера и никому не давать вина в долг более чем на 10 шиллингов. Обращено было внимание и на правильное посещение духовными и гражданами воскресных проповедей, а за приверженность старым обычаям

или учению сектантов назначены строгие штрафы. Нужно было, действительно громадное влияние Цвингли, чтобы заставить граждан этого прежде столь распущенного города согласиться на введение законов, столь стеснительных для их личной свободы. Уже одно принятие ими устава 1530 года, обошедшееся без всякого сопротивления, служит красноречивым доказательством того, как глубоко и прочно было влияние нового учения на нравственное сознание народа.

В 1528 году Цвингли завершил организацию церкви учреждением синода. Это были периодические собрания духовенства, на которые допускались также представители от общин. Здесь обсуждались различные вопросы церковной дисциплины, назначались и подвергались испытанию новые проповедники. Депутаты от общин имели право жаловаться синоду на учение и жизнь пасторов, которым, в свою очередь, вменялось в обязанность следить за учением и жизнью своих собратьев и сообща обсуждать встречающиеся затруднения. Другие евангелические города, также заимствовавшие это учреждение, установили обычай приглашать для решения своих церковных вопросов реформатора и других лучших проповедников. Таким образом, образовались своего рода союзные евангелические конференции, собиравшиеся до самой смерти Цвингли.

Синоды представляют самое замечательное из церковных учреждений реформатора, в котором полнее всего выразился его республиканский принцип о самоуправлении общин. Оно сохранилось и впоследствии, хотя и со значительными изменениями, в устройстве так называемой пресвитерианской церкви в Шотландии.

Но напряженная деятельность, обнаруженная Цвингли в эти первые годы после введения реформации, далеко не исчерпывается теми разнообразными реформами, которые мы привели здесь вкратце. К этому периоду относится еще целый ряд литературных произведений, имевших целью как пропаганду, так и научное обоснование нового учения. Из них самое выдающееся, появившееся в 1525 году, – “*Commentarius de vera et falsa religione*”. Это одно из важнейших произведений реформационной эпохи, не столь систематическое и законченное, как знаменитое “*Institutio religionis christianae*” Кальвина, но замечательное как первая попытка теоретического обоснования евангелического учения во всем его объеме.

А между тем, глядя на эту кипучую и в то же время строго обдуманную деятельность реформатора, трудно даже и представить себе, что он переживал тогда один из самых тяжелых периодов своей жизни, что эти меры к внутреннему упрочению его дела проводились в такое время, когда ежеминутно приходилось отражать нападения врагов из самых

противоположных лагерей.

Глава VI. Враги Реформации

Конрад Гребем, и начало анабаптизма. – Политическое и религиозное учение сектантов. – Взгляд Цвингли на крещение. – Успехи анабаптизма. – Крестьянские волнения. – Строгости против сектантов. – Оппозиция в лесных кантонах. – Диспут в Бадене. – Переворот в Берне и бернский диспут. – Торжество реформации в Базеле. – Христианский союз городов. – Цвингли – глава реформаторской церкви. – Его роль в Цюрихе

В те эпохи, когда самые заветные народные верования подвергаются беспощадной критике и мысль, надолго убаюканная слепой верою, внезапно увлекается на путь свободного исследования, нет ничего удивительного в том, что на этом новом непривычном пути она не только уклоняется в сторону, но и попадает из одной крайности в другую. То же случилось и в эпоху Реформации. Наряду с консерваторами, упорно отстаивавшими старину и считавшими ересью всякое отступление от нее, появились скоро и такие люди, которым произведенные реформы казались еще недостаточно радикальными. Как в Германии, так и в Швейцарии толчок, данный умам Реформацией, завел многих гораздо дальше, чем этого хотели сами реформаторы. В рядах их приверженцев произошел раскол; появились секты, по своим принципам принесшие реформации гораздо более вреда, чем упорная косность поклонников старины.

Благоразумная осторожность, с которой Цвингли и цюрихские власти проводили реформы в церкви, пришлась по сердцу далеко не всем их сторонникам. Уже во время второго диспута, когда вопрос о сохранении мессы и изображений решался в принципе, некоторые из присутствующих, с Конрадом Гребелем во главе, потребовали немедленно радикальных мер и громко порицали Цвингли за то, что он делает совет судьей в религиозных вопросах. Цвингли удалось на время успокоить их объяснением, что как он, так и совет признают единственным судьей Св. Писание; совету же предоставляется только право избрать подходящие меры для осуществления постановленных решений. Но скоро эта кучка беспокойных голов, ограничивавшаяся вначале бесчинствами в церквях и уничтожением изображений, организовалась в отдельную секту с весьма опасными принципами. Конрад Гребель и друг его Феликс Манц сделались главами секты *анабаптистов* (перекрещенцев).

Первоначально сектанты отвергали только крещение младенцев как

несогласное с учением Христа. Они учили, что только взрослые в состоянии уразуметь все значение этого таинства и, считая крещение в детстве недействительным, подвергали всякого нового члена своей секты вторичному крещению. Отсюда и их название “анабаптисты” – перекрещенцы.

Но это вторичное крещение сделалось скоро лишь внешним символом для партии с совершенно оригинальным идеалом церковного и общественного устройства. Этот идеал они стремились воплотить в своей особой “церкви избранных”, которую они резко отделяли как от римской, так и от реформатской церкви. Ни первая, ни вторая, утверждали анабаптисты, не представляют истинной церкви Христовой. Реформаторы, правда, проповедуют Евангелие, но толку от этого мало. Уча, что Христос раз и навсегда искупил грехи мира и что достаточно одной веры в Него для спасения, они только отклоняют людей от забот о своем самоусовершенствовании и оставляют их в прежних грехах. Большинство их священников проповедуют лишь ради жалованья и сами не исполняют того, чему поучают других. Они не учат чистому слову Божию, а толкуют его по-своему, к тому же присваивают себе исключительную привилегию проповедовать и поучать, тогда как дух Божий может говорить устами каждого человека. Они оскверняют всю церковь, раздавая причастие даже недостойным.

Совершенно иначе представляли они себе истинную церковь Христову. Это церковь святых, избранных, в среде которых должна господствовать величайшая строгость нравов. Специальных проповедников в ней не полагается. Поучать может всякий, почувствовавший наитие Св. Духа, внутреннее откровение. “Братья” не должны иметь ничего общего с остальным миром и всякого согрешившего против идеала святости должны немедленно изгонять из своей среды.

Такой идеал церковного устройства, естественно, должен был вызвать и соответствующий идеал общественного устройства. Для общины святых и праведников государство и все его институты, конечно, излишни. Там, где царствует одна любовь, нет нужды в светских властях. Настоящий христианин не нуждается в судах, потому что не грешит. Он не убивает, не заключает в темницу; единственное наказание для согрешившего – церковное отлучение. Христианин не носит оружия, не воюет, не клянется – все это категорически запрещается Евангелием. Наконец в царстве любви и справедливости не может быть и речи о каком-нибудь неравенстве в правах. У христиан не должно быть частной собственности. Всеми благами земными они должны владеть сообща.

Таким образом, анабаптисты, основываясь на букве Евангелия, хотели вернуть общество к той эпохе, когда отдельные кучки последователей Христа, рассеянные среди язычников, действительно составляли что-то вроде маленьких коммун. По своим социальным принципам анабаптисты являются своего рода коммунистами XVI века, но только коммунизм их вырос на религиозной почве, тогда как коммунизм XIX века является плодом политико-философских принципов.

Таковы были основные принципы анабаптизма. Но в сущности, сектанты, объединенные внешней формулой вторичного крещения под общим названием анабаптистов, исповедовали часто самые разнообразные религиозные и политические убеждения. В то время, как одни мечтали вернуться к временам апостолов, придерживаясь буквы Евангелия, и отличались самым строгим аскетизмом, другие утверждали, что “буква убивает”, признавали авторитетом только внутреннее откровение и, давая полный простор своему разнузданному воображению, ударялись в манию видений и пророчеств и требовали полного освобождения плоти от всяких законов. У некоторых сектантов коммунистические тенденции выражались даже в требовании общности жен^[2]. Наконец, в то время, как одни проповедовали непотивление злу и покорно переносили всякие преследования, другие стояли за то, что царство Христово на земле может быть утверждено с помощью материальной силы. Последнего взгляда придерживался знаменитый Томас Мюнцер, глава саксонских анабаптистов, первого – большинство швейцарских сектантов.

Цвингли долго надеялся, что ему удастся подействовать на своих новых противников путем убеждения. В целом ряде брошюр и более объемистых сочинений он опровергал их учение и старался доказать ненужность вторичного крещения. Цвингли вообще не придавал этому таинству того значения, которое оно имело в католической церкви. Крещение не смывает первородного греха, как учит последняя; нет поэтому и нужды предполагать веру в младенцах, как это делает Лютер. Для Цвингли крещение, которое он приводит в историческую связь с еврейским обрезанием, служит лишь символом принятия новорожденного в общину верующих. Грехи смываются только верой, и поэтому повторение крещения над взрослыми совершенно бесполезно.

Но экзальтированных сектантов не убеждали трезвые рассуждения реформатора. Число их быстро увеличивалось. Опясаные веревками, в одежде кающихся, “братья” (название, которое анабаптисты давали друг другу) пробегали улицы, испуская проклятия против “старого дракона” (прозвище реформатора), призывая народ к покаянию и предсказывая

близкую гибель Цюриха.

Фантастический вид сектантов, их вдохновенные мистические речи производили в народе сильное волнение. Чтобы предупредить соблазн, совет устроил диспут между их вожаками и Цвингли, но все красноречие последнего оказалось бесплодным. Они не признавали себя побежденными и продолжали массами крестить народ. В самом Цюрихе успехи анабаптистов парализовались авторитетом реформатора, но в других частях кантона, где большая часть пасторов не в состоянии была бороться с ними, число их приверженцев возрастало с поразительной быстротой. Вожак секты ходил из одной деревни в другую, проповедуя то в домах “братьев”, то в лесах и уединенных местах, при таинственном свете факелов. Экзальтация проповедников сообщалась и слушателям. Некоторые из них сами впадали в экстаз и начинали пророчествовать как бы под наитием Св. Духа. Мания видений и одержимости Св. Духом эпидемически охватывала целые деревни и часто приводила к самым диким и безобразным выходкам. Так, один крестьянин, пришедший во время проповеди в экстаз, убил своего родного брата с криком, что наступает день Страшного суда. Никто из присутствовавших не помешал ему, убийца был арестован и казнен, а “братья” продолжали считать его мучеником, исполнившим волю Господню.

Учение, вырождавшееся в подобные безобразия, конечно, не могло быть терпимо властями. Но ни меры кротости и убеждения, ни штрафы, которым подвергались люди, не желавшие крестить своих детей, не оказывали никакого действия. Сектанты были стойкими фанатиками, готовыми жертвовать жизнью за свои убеждения. Подвергавшиеся аресту давали обещание не проповедовать и не крестить больше, но, вышедши на свободу, принимались за старое, утверждая, что делают это по велению Св. Духа и что следует повиноваться лишь Богу, а не людям.

Принципы сектантов были тем более опасны, что среди крестьян стали и без того обнаруживаться революционные симптомы. Великая религиозная революция должна была неизбежно пошатнуть и все прежние правовые понятия. Как известно, чисто религиозная проповедь Лютера вызвала в массе крестьянства в Германии брожение, разразившееся крестьянской войной. В первой половине 1525 года пограничные со Швейцарией германские земли были охвачены ярким пламенем возмущения, начинавшим переходить и на швейцарские области. В некоторых фогствах, по образцу 12 статей швабских крестьян, население также резюмировало свои требования в 27 статьях. Оно желало отмены крепостного права, барщины, десятины и других повинностей, свободного

пользования землей, лесом и водами и настаивало на своем праве самим избирать и смещать своих пасторов. При таком состоянии умов проповедь анабаптистов, конечно, только подливала масла в огонь. Необходимо было предупредить, чтобы, по примеру Мюнцера, и швейцарские анабаптисты не сделались руководителями крестьянского движения.

Благодаря тактичным распоряжениям власти готовившееся восстание было предотвращено. Совет отменил крепостное право, облегчил некоторые налоги, обещал пересмотр и облегчение других в будущем, десятину же приказал уплачивать по-прежнему.

Только одни перекрещенцы остались непреклонными и продолжали свою пропаганду, несмотря на усиливавшиеся строгости против них. Цвингли имел с ними целый ряд публичных диспутов, убеждал их в частных беседах, опровергал печатно, но анабаптисты не поддавались никаким доводам из Писания, признавая истинным только собственное толкование его. Тогда совет решил действовать круто. Манц, несколько раз содержащийся уже в тюрьме и каждый раз по освобождении принимавшийся за старое, был утоплен вместе с двумя другими вожаками (Гребель умер незадолго до этого), а другой главный проповедник анабаптистов, Блаурок, как чужестранец изгнан из страны (1527 г.). С их смертью дальнейшие успехи анабаптизма были парализованы. Многие из сектантов были обращены проповедями Цвингли; остальные же, лишившись своих главных вожаков, отказались от мысли образовать отдельную церковь и самое учение их постепенно утратило свои крайности.

Борьба с анабаптизмом, по собственному признанию Цвингли, была одним из самых тяжелых испытаний в его тревожной жизни. Этот новый враг, вышедший некоторым образом из недр самой реформации, причинил ей громадный вред. Раскол в не окрепшей еще церкви, и особенно крайние теории сектантов, набрасывали тень на само дело реформаторов, давали приверженцам старины повод выставлять их учение как опасное для всего общественного и государственного строя. Только этим и объясняется то молчаливое одобрение, с которым, вопреки проповедуемому им принципу свободы совести, Цвингли отнесся к крутым мерам властей против анабаптистов.

Не бездействовали и внешние враги реформации. Успехи нового учения не ограничивались уже одним Цюрихом и его областью. Личное влияние Цвингли, его сочинения и деятельность его многочисленных друзей, которых он вдохновлял своими письмами, все сильнее подрывали авторитет католической церкви в других кантонах союза.

Только четыре лесных кантона (Швиц, Ури, Унтервальден и Цуг), к которым примкнул и Фрейбург, оставались по-прежнему фанатически преданными католицизму. Истоштив все средства помешать проведению реформы в Цюрихе, они решились, наконец, устроить новый диспут с целью доказать еретичность цвинглиева учения. Доктор Экк, слывший, со времени лейпцигского диспута с Лютером, первым борцом католицизма, предложил свои услуги в качестве оппонента реформатора, и Цвингли получил приглашение явиться в город Баден, назначенный местом состязания.

Но ни цюрихский совет, ни Цвингли не согласились последовать этому приглашению, справедливо опасаясь какой-нибудь ловушки. В самом деле, до сих пор католики упорно отказывались от участия в диспутах, утверждая, что обсуждение религиозных вопросов принадлежит лишь папам да соборам – откуда же эта внезапная перемена? Цвингли прекрасно помнил, что римская церковь не считала себя связанной обещаниями, данными еретикам, а город Баден, зависевший от католических кантонов, не мог ему дать достаточных гарантий в его безопасности. Сама оценка результатов диспута также не обещала быть беспристрастной. В манифесте, обращенном к своим подданным, католические кантоны, не стесняясь, объявляли, что они твердо решились противодействовать всяким новшествам, что не признают за собой права решения в религиозных вопросах и сам диспут имеет целью лишь уличить Цвингли в ереси и вернуть на путь истины соблазненных им людей. Исход диспута предreshался, таким образом, уже заранее, и Цвингли имел полное основание видеть для себя в перспективе участь Яна Гуса.

Впрочем, Цвингли не отказывался совершенно от диспута, он только не соглашался приехать в Баден, где были сожжены его сочинения. Совет, со своей стороны, также отказывался отпустить его и предлагал Экку приехать для состязания в Цюрих.

После долгих переговоров диспут все-таки был назначен на 21 мая 1528 года в Бадене. Католики заявили, что отказ Цвингли происходит от его неуверенности в своем деле, и решили обойтись без него.

Внешняя обстановка диспута, продолжавшегося 16 дней, была самая торжественная. Все 12 кантонов послали в Баден своих представителей. Со стороны католиков главными борцами выступили Экк и Фабер, со стороны реформаторов – доктор Эколампаций из Базеля и священник Берхтольд Галлер из Берна. Но о беспристрастном отношении к последним со стороны судей-католиков не могло быть и речи. Еще прежде, чем диспут кончился, католики протрубили уже на всю Швейцарию про свою победу,

после чего Цвингли как признанный еретик был торжественно предан церковному проклятию и всякие изменения в церковных обычаях строжайше запрещены.

Ликования католиков оказались, однако, преждевременными. Если в старых кантонах начинавшееся было религиозное брожение, действительно, было потушено в самом зародыше, то в местах, где реформа пустила уже более глубокие корни, высокомерие победителей, их повелительный тон только усилили всеобщее возбуждение. Выборы 1527 года в Берне имели в этом отношении решающее значение. На этих выборах демократическая партия, как и везде в Швейцарии, склонная к реформам, одержала верх над партией олигархов, тяготевших к старой церкви. Результатом этого внутреннего переворота был отказ подчиниться решениям баденского собрания и назначение нового религиозного состязания в самом Берне.

На этот раз Цвингли, конечно, не преминул воспользоваться случаем доставить торжество своему учению. Не обращая внимания на угрозы католических кантонов, отказавшихся пропустить цюрихских уполномоченных через свои владения, он пробрался в Берн под прикрытием вооруженного отряда. Кроме него, на диспут съехались самые блестящие представители реформационной партии: Эколампадий, Галлер, Буллингер, Пелликан и другие. Католическая партия была представлена гораздо слабее. Ни католические кантоны, ни епископы не отозвались на приглашение, а местное духовенство не обладало значительными силами. Единственным выдающимся противником был уполномоченный лозанского епископа, Конрад Трегер.

Победа Цвингли была полной и блестящей. После 18 заседаний подавляющее большинство бернского духовенства подписало 10 тезисов, содержащих существенные пункты учения Цвингли, и Берн решительно примкнул к реформации. Монастыри были открыты; священникам разрешено вступать в брак; месса и почитание святых отменены. Вместе с тем, согласно духу цвинглиевой реформы, запрещено было и принятие пенсий, которыми до сих пор все могущественные фамилии Берна были связаны с Францией.

Несколько долее держались старые порядки в Базеле. Но и здесь евангелическая партия одержала, наконец, верх. В 1529 году между этими тремя городами и Констанцем, где также введена была реформация, заключен был так называемый *христианский* союз для защиты евангелического учения. Предполагалось принимать в него и другие кантоны “по мере того, как они будут просветлены словом Божиим”.

Таким образом, реформация в Цюрихе постепенно утратила свое чисто местное значение и стала событием национальным, общешвейцарским. А сам Цвингли из реформатора Цюриха стал признанным главою целой основанной им швейцарской церкви, которой вскоре, под именем реформатской, суждено было играть в религиозных движениях Европы такую же и даже более важную роль чем лютерова.

В самом Цюрихе положение Цвингли было единственным в своем роде. Занимая по-прежнему свою скромную должность священника-проповедника при большом соборе, он в то же время оказывал и на государственные дела такое же влияние, как на церковные. Он был душою совета, который проникся его идеями и следовал во всем его указаниям. В большинстве случаев он сам писал государственные бумаги, вел дипломатические сношения с другими кантонами и иностранными государствами. В 1529 году учрежден был тайный совет, члены которого пользовались обширными полномочиями и заведовали всеми политическими делами Цюриха. Цвингли также был приглашен в совет в качестве постоянного члена и пользовался в нем таким влиянием, что, в сущности, сделался настоящим правителем республики, хотя официально не был облечен никакой властью.

Несмотря на это совершенно исключительное положение реформатора, бескорыстие его никогда не подвергалось ни малейшему подозрению. Даже самые ожесточенные противники не могли указать ни одного случая, где бы он действовал из личных мотивов. Играя в Цюрихе такую же роль, как впоследствии Кальвин в Женеве, и пользуясь гораздо большим влиянием на светские дела, чем Лютер в Виттенберге, он тем не менее не заслужил, подобно им, иронического прозвища “цюрихского папы”. Буллингер очень метко характеризует его положение, сравнивая его с положением ветхозаветных пророков.

Глава VII. Первая Каппельская война и диспут в Марбурге

Последствия бернского диспута. – Католический союз. – Столкновения из-за общих владений. – Взгляд Цвингли на право вооруженной защиты. – Сожжение Кайзера и объявление войны. – Неожиданное посредничество. – Каппельский мир. – Недовольство Цвингли. – Спор об евхаристии. – Poleмика между реформаторами. – Диспут в Марбурге. – Лютер и Цвингли лицом к лицу. – Результаты диспута. – План Цвингли и Филиппа Гессенского

С переходом Берна на сторону реформации положение вещей в Швейцарском Союзе принимает совершенно другой оборот. До сих пор Цюрих стоял изолированным в конфедерации и при всей энергии своего духовного руководителя только ценою крайнего напряжения сил мог защитить реформу от внутренних смут и внешнего давления. Теперь благодаря христианскому союзу, но главным образом, поддержке Берна, дальнейшая участь реформы могла считаться обеспеченной. Против соединенных сил Берна и Цюриха, превосходивших силы старых католических кантонов, последним оставалось ограничиться одним лишь пассивным протестом.

Христианский союз, как мы уже сказали, имел характер чисто оборонительный. Примкнувшие к нему города обязывались помогать друг другу в случае нападения католиков, защищать свободу совести в общих союзных землях и не допускать в них преследования единоверцев. Нарушения устава конфедерации здесь не было, потому что союз был заключен лишь между ее членами.

Но старые лесные кантоны взглянули на дело иначе. Они сочли себя в опасности и, в противовес союзу реформаторов, стали искать союза с иностранными единоверцами. С этой целью они вступили в переговоры с братом Карла V, королем Фердинандом Австрийским, и в апреле 1529 года заключили с ним *католический* союз для охранения неприкосновенности старой религии как в обоюдных владениях, так и в союзных швейцарских землях.

Характер союза был прямо угрожающим. К тому же он являлся нарушением устава конфедерации, не допускавшего вмешательства иностранных держав в союзные дела. Напрасно остальные конфедераты

представляли пяти кантонам, что союз с Австрией, старинным врагом независимости Швейцарии, может оказаться губительным для последней, что в лице этого союзника они готовят себе будущего господина. Взаимное недоверие дошло до того, что реформатские депутаты даже не получили ответа.

На первый взгляд может показаться, что при взаимном желании каждой стороны охранять только свою религию междуусобная война из-за религиозных мотивов вовсе не была неизбежна. Устройство конфедерации было таково, что каждый кантон пользовался полной автономией, не допуская постороннего вмешательства в его внутренние дела. При известной терпимости обе стороны могли, таким образом, жить друг подле друга в согласии и решать свои внутренние религиозные распри по собственному усмотрению.

Но это только на первый взгляд. В устройстве Швейцарского Союза было одно больное место, в котором права и интересы конфедератов приходили в постоянное соприкосновение. Это были подвластные земли (*gemeine Herrschaften*), управлявшиеся фогтами многих кантонов вместе или даже по очереди. В эти общие владения также проникло новое учение, и в то время, как реформатские правители оказывали ему всяческое покровительство, фогты католических кантонов обращались со своими реформированными подданными как с еретиками: подвергали их штрафам, сажали в тюрьму и даже сжигали на кострах. На этой-то горячей почве разгоравшиеся страсти неизбежно должны были вспыхнуть страшным пожаром междуусобной войны.

В самом деле, предстояло решить вопрос: какой религии должны держаться эти общие подданные? С точки зрения учения Цвингли, вопрос разрешался очень легко. По этому учению, каждая община получала право самоопределения и самоуправления в духовных делах. Поэтому в числе условий христианского союза по отношению к общим владениям было, между прочим, и то, что каждой общине предоставляется по большинству голосов решать вопрос о том, держать ли католического священника или евангелического проповедника.

Но для католических кантонов дело представлялось в другом виде. Предоставить общинам ту свободу, какую хотел обеспечить за ними христианский союз, значило спокойно допустить в союзных землях полное торжество реформации. В этом отношении сомнения быть не могло. В Тургау, Рейнтале, Тоггенбурге и других союзных землях, находившихся под смешанным управлением католических и реформатских кантонов, население, не обращая внимания на протесты католического меньшинства,

уничтожало у себя иконы и мессу и приглашало евангелических проповедников. В других местах также происходило сильное религиозное брожение, которое могло быть подавлено одной только открытой силой. Католические кантоны не могли мириться с таким положением вещей. Этого не допускали не только их религиозный фанатизм, но и прямой политический расчет: победа реформации в общих владениях легко могла повести к их полному отпадению от своих католических правителей.

Таким образом, и на этот раз политические мотивы соединялись с религиозными и, усиливая взаимное озлобление партий, неизбежно должны были вызвать войну. Вопрос был только в том, кто первый начнет ее.

Цвингли советовал реформатам не дожидаться, чтобы на них напали католики. Он смотрел на право вооруженной защиты иначе, чем Лютер. Сохранились заметки, написанные его рукой и относящиеся к 1525 году, когда, перед баденским диспутом, вражда между кантонами также грозила перейти в вооруженное столкновение. Это довольно обстоятельный план военной кампании, с подробным изложением всех дипломатических и иных мер, которые должны быть приняты на случай войны. План этот не был осуществлен, но само существование его показывает, что Цвингли не только серьезно занимался политическими и военными вопросами, но что, будучи врагом насильственности, когда надо было проводить реформу, он не пугался решительных действий, когда дело шло об ее защите.

Последнее обстоятельство не раз ставилось в вину реформатору – не только в современной ему, но и в новейшей церковно-исторической литературе. В этой последней долго практиковался совершенно ненаучный прием, по которому к нему применялась та же мерка, что и к Лютеру, несмотря на то, что условия их деятельности были далеко не одинаковы.

В самом деле, в то время политические, церковные и даже религиозные интересы Швейцарии так тесно переплетались друг с другом, что церковный реформатор маленькой республики необходимо должен был принимать участие и в разрешении политических вопросов – не только *вопреки* своему званию духовного пастыря, но даже именно *в силу* этого звания. Цвингли вообще не был квиетистом; он не придерживался теории безусловного подчинения существующему порядку, как бы он ни был ненормален. Глубоко убежденный в правоте своего дела, он не мог не быть озабоченным теми средствами, которые могли обеспечить его торжество. Он прекрасно понимал, что такое положение вещей не может долго продолжаться, что война будет непременно, и, естественно, хотел воспользоваться благоприятной минутой, чтобы хорошо направленным

ударом решить участь войны. “Ты не знаешь этих людей, – отвечал он на убеждения своего друга Эколампация, – я уже вижу их обнаженные мечи и исполню обязанность верного стража”. Поэтому-то он и советовал своим единоверцам поспешить с войной, пока Австрия, связанная опасностью со стороны турок, не в состоянии оказать помощь своим союзникам.

Цюрихцы вполне разделяли взгляды Цвингли. Они рвались в бой, заранее уверенные в победе, и только несочувствие Берна, доказывавшего, что нельзя распространять Евангелие с мечом в руках, сдерживало до сих пор их воинственный пыл.

Но 29 мая 1529 года произошло событие, которое положило конец всяким колебаниям. Гражданская война возгорелась у костра цюрихского священника Якова Кайзера. Последний был приглашен одной общиной в союзной земле проповедовать Евангелие, но по дороге захвачен Швицем и, несмотря на протест Цюриха, подвергнут пытке и осужден на сожжение как еретик.

Чаша терпения переполнилась. 5 июня отряд цюрихцев в 500 человек уже выступал к Бремгартену, а девятого и главный отряд в четыре тысячи человек с цюрихским знаменем направился к Каппелю. При этом отряде был и Цвингли со своей алебардой через плечо. Он был уверен, что война с неподготовленным неприятелем будет недолга и не кровопролитна и окончится выгодным для его партии миром.

Действительно, известие о выступлении цюрихского войска, полученное одновременно с формальным объявлением войны, застало католические кантоны совершенно врасплох, и только вмешательство Берна спасло их от неминуемого разгрома. Берн находил, что не исчерпаны еще все средства для мирного разрешения недоразумений и обещал свою помощь лишь в том случае, если цюрихцы первые подвергнутся нападению. Другие евангелические кантоны также вмешались в дело, и когда цюрихское войско хотело перейти границу, ландамман Эбли из Гларуса со слезами на глазах стал заклинять начальников не проливать крови и ждать результата начатых переговоров о мире.

Цвингли с неудовольствием смотрел на это вмешательство. “Брат амман, – сказал он ему с горечью, – ты должен будешь отдать в этом отчет Богу. Наши враги обманывают тебя льстивыми словами. Теперь они попались в мешок и не готовы к войне, а ты им веришь и не допускаешь нас встретиться с ними. Но после, когда они соберутся с силами, они нас не пощадят, и тогда некому будет удерживать их”. Слова эти, как мы увидим, оказались пророческими.

25 июня при Каппеле враждующие стороны подписали условия

следующего “земского мира”: так как никто не должен быть принуждаем в делах веры, то и 5 кантонов, и евангелические города могут оставаться каждый при своей вере; в общих же владениях вопрос о том, отменять ли мессу и другие обычаи, должен решаться каждой церковной общиной по большинству голосов. Договор с Фердинандом как заключенный в защиту веры, которой ничто не угрожает, должен быть уничтожен. Военные издержки в сумме 2500 крон выплачиваются кантонами, которые должны также выдать вознаграждение детям несправедливо казненного Кайзера.

Цвингли с трудом примирился с этими условиями. Он ожидал от войны гораздо большего. Договор обеспечивал свободу совести только в союзных землях. Цвингли же требовал ее и для подданных лесных кантонов. Он хотел также, чтобы последние, по примеру евангелических кантонов, отказались навсегда от иноземной службы и пенсий и разорвали свои договоры с Францией.

Но даже и в этом виде каппельский мир, заключенный без всякого кровопролития, был несомненно выгоден для реформаторов. Цюрихцы имели полное право ликовать и торжественно праздновать возвращение своего войска.

Победа реформаторов в Швейцарии подействовала ободряющим образом и на протестантскую партию в Германии. Положение ее к этому времени сделалось довольно критическим. До сих пор император, занятый своими бесконечными войнами с Францией, не мог уделять достаточно внимания делам в Германии и дал таким образом реформе время окрепнуть и приобрести многочисленных последователей. Но как раз в это время война с Францией кончилась, и можно было опасаться, что император воспользуется миром, чтобы привести в исполнение Вормский эдикт, осуждавший ересь Лютера. Опасность со стороны императора и внушила одному из самых даровитых и энергичных протестантских князей, ландграфу Филиппу Гессенскому, мысль основать протестантскую лигу, в которую вошли бы все приверженцы нового учения.

Но в осуществлении этой идеи представлялись серьезные затруднения. Дело в том, что не все приверженцы реформации одинаково сознавали солидарность своих интересов. Между Лютером и Цвингли относительно некоторых пунктов их учения существовало разногласие, которое, благодаря нетерпимости первого, грозило привести к расколу в самой протестантской церкви и разъединить силы протестантов в такое время, когда опасность со стороны общего врага требовала самого тесного единства. Таким образом, прежде чем приступить к выполнению своего политического плана, Филипп Гессенский решился сделать серьезную

попытку примирить враждующие стороны.

Главным камнем преткновения, о который разбивались до сих пор все примирительные попытки посредников, был вопрос о таинстве евхаристии. Лютер отверг католический догмат о пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь Христову. Но вместо непосредственного превращения (*transsubstantiatio*) он принял мистическое присутствие Христа в таинстве и слово “сие есть тело Мое, сие – кровь Моя” толковал буквально, в смысле действительного реального присутствия в хлебе и вине Тела и Крови Господней (*consubstantiatio*).

Цвингли в этом вопросе расходился с Лютером. Еще в 1523 году, в “Толковании тезисов”, он развивал ту мысль, что Христос раз навсегда принес себя в жертву для спасения человечества, что месса не может поэтому быть повторением жертвы, а только воспоминанием о жертве Христовой. Такое же символическое значение он приписывает и таинству причащения. В своем сочинении “*Commentarius de vera et falsa religione*” Цвингли подробно развивает этот взгляд и слово “есть” в формуле причащения толкует в смысле “означает”. Таким образом, акт причащения получает у него характер простой трапезы любви, участники которой, вкушая хлеб и вино лишь как символы тела и крови Христовой, соединяются друг с другом и вместе с тем с Христом в общей вере в искупительную силу его жертвы.

Но Лютеру такое толкование показалось еретическим. У него составилось убеждение, что “спекулятивные теологи, которые судят о божественных вещах с точки зрения философии и разума, служат дьяволу”. Забывая свою солидарность с Цвингли во многом другом, он напал на него с такою же страстностью, с какою громил раньше папистов или сектантов. Посыпался ряд полемических сочинений против “фантазеров” (“*Schwärmer*”), где Цвингли и его единомышленники выставялись чуть ли не исчадиями сатаны.

Спор между обоими реформаторами, продолжавшийся уже четыре года и принимавший все более резкий непримиримый характер, рисует нам личность Цвингли в самом привлекательном свете. В то время, как Лютер, не дававший себе даже труда знакомиться с учением Цвингли непосредственно из его сочинений, третировал швейцарского реформатора как непокорного ученика, осмелившегося не соглашаться с мнением своего учителя, и вместо серьезных опровержений отвечал только грубыми полемическими выходками – Цвингли никогда не выходил в своей полемике из пределов умеренности. Он никогда не забывал, что там, где дело идет об уяснении истины, нельзя поддаваться чувству оскорбленного

самолюбия и в своих ответах ограничивался обстоятельной и тонкой критикой мнений своего противника, критикой тем более убийственной, что она представляла такой полный контраст с резкой запальчивостью последнего. Его “Дружеское толкование” (“*Arnica exegesis*”), написанное в 1527 году в ответ на лютерово сочинение об евхаристии, по единогласному отзыву ученых, “может служить образцом христианской полемики для всех времен”.

Но на Лютера его спокойный, полный достоинства тон производил совершенно другое впечатление. В ответ на “Дружеское толкование” появилась брошюра, полная самых грубых и высокомерных насмешек над “фантазером” и резюмировавшая свои доводы следующими словами: “Одна сторона должна служить дьяволу и быть враждебной Богу – тут не может быть середины!”

Спор, разгоравшийся все сильнее, благодаря тому, что в нем приняли участие и друзья реформаторов, очевидно, склонялся на сторону Цвингли. Учение его было принято не только в Швейцарии, но и во многих городах Южной Германии. Из германских князей некоторые также более сочувствовали взглядам Цвингли и, что всего важнее, самый популярный из них, Филипп Гессенский, открыто стал выказывать свои симпатии швейцарскому реформатору.

Но Филипп, как мы уже сказали, видел всю опасность этих споров, грозивших разделить силы протестантизма на два враждебных лагеря. Необходимо было во что бы то ни стало найти примирительную формулу, и с этой целью он решился устроить личное свидание и диспут между двумя вождями Реформации.

Диспут назначен был в Марбурге. Цвингли с радостью принял приглашение ландграфа и, опасаясь, что совет не согласится на эту опасную поездку через враждебные католические земли, решился уехать из Цюриха тайком. Уже с дороги он известил совет о своем отъезде, извиняясь за самоуправство. В Базеле к нему присоединился Эколампаций, а в Страсбурге – Мартин Буцер и Гедио.

Лютер согласился на свидание только по необходимости. Он даже просил саксонского курфюрста не давать ему отпуска и заранее писал Филиппу, что “если те не уступят, то мы разойдемся без всяких результатов”. Его сопровождали Меланхтон, Осиандр и другие.

Филипп Гессенский благоразумно распорядился, чтоб оба главных противника, раздраженных друг против друга прежней полемикой, не встретились сразу на диспуте. Чтобы дать враждующим сторонам возможность ближе ознакомиться и оценить друг друга, он предварительно

устроил разговор между Лютером и Эколампадием, с одной стороны, и Цвингли с Меланхтоном, с другой. Оба друга реформаторов как более кроткие и сдержанные оппоненты должны были проложить дорогу к примирению. Мера эта действительно была удачная. Цвингли и Меланхтон скоро поняли друг друга. Последний с удивлением увидел, что учение Цвингли вовсе не так далеко от лютерова, хотя относительно причащения они так и не могли сойтись. Но Эколампаций был менее счастлив с Лютером. Последний обращался с ним очень высокомерно, не давал ему высказываться, так что, встретившись с Цвингли по выходе от Лютера, он с грустью шепнул ему: “Я напал на второго Экка”.

2 октября, в 6 часов утра, в большой рыцарской зале Марбургского замка оба реформатора, наконец, сошлись лицом к лицу. Собрание было немногочисленно (человек около 50), но состояло из отборных теологов и нескольких германских князей.

Необходимо заметить, что, помимо принципиального несогласия, Лютер вообще чувствовал антипатию к швейцарскому реформатору. Знакомый с его учением только по сообщениям других, он не понимал политического и национального элемента в его реформаторской деятельности и ставил его на одну доску с сектантами и ненавистным ему Карлштадтом, окрестив их общим названием “Schwarmer”. Уже одно швейцарское происхождение Цвингли внушало ему недоверие. Как сторонник монархического принципа, он не признавал республиканского устройства Швейцарии, считая его нераздельным с анархией и насилием.

Прения продолжались три дня. Но благодаря предвзятому решению Лютера, с самого начала написавшего пред собой на столе мелом слова “Сие есть тело Мое” в знак того, что не намерен отступить от буквы этого текста, соглашение между противниками оказалось невозможным. Тем не менее, большинство присутствующих вынесло впечатление, что победа осталась на стороне Цвингли, который не только подтверждал свои взгляды очень убедительными аргументами, но и вообще держал себя с большим достоинством. Сам Лютер впоследствии не мог не отдавать должное сдержанности и миролюбию Цвингли, говоря про него и его друзей: “Эти люди, оказывается, вовсе не так злы, они только случайно впали в заблуждение”.

Но в данную минуту, раздраженный спором, в котором внешний перевес был явно не на его стороне, он не хотел и слышать о каких-нибудь уступках. Напрасно Филипп умолял противников найти какую-нибудь примирительную формулу и не расходиться врагами. Напрасно и Цвингли со слезами на глазах просил Лютера считать реформаторов братьями и не

забывать, что, помимо этого спорного пункта, у них столько общего. Лютер никак не мог понять такой просьбы. Он не мог допустить и мысли, что можно любить, как братьев, людей, у которых другая вера, и считал такую терпимость доказательством того, что сами противники не придают большого значения защищаемому ими делу. Единственная уступка, на которую он, наконец, согласился, заключалась в том, что он не откажет им в той любви, какую христиане обязаны питать и к врагам. Но когда Цвингли на прощание с благородною простотой протянул ему руку, Лютер оттолкнул ее с жестким замечанием: “У вас другой дух, чем у нас”.

Тем не менее, марбургское свидание не осталось без результатов, полезных для реформации. Благодаря неистощимому терпению и миролюбию Цвингли, при содействии Меланхтона, была составлена евангелическая формула веры, излагавшая в 15 пунктах общие обоим учениям реформационные принципы. Кроме того, постановлено было, что, во избежание соблазна для врагов, обе стороны впредь будут воздерживаться от резкой полемики. Это было, конечно, не то, на что надеялись ландграф и Цвингли, но все же это было уже что-то...

Гораздо важнее, на первый взгляд, был результат конфиденциальных переговоров Цвингли с ландграфом. Для борьбы с реакционными замыслами Карла V оба задумали смелый план: составить громадную европейскую коалицию, в которую предполагалось принять всех врагов императора – не только немецких протестантов и реформатскую Швейцарию, но даже католические государства – Францию и Венецию.

План был не только смел, но и грандиозен. Он имел только один недостаток – он оказался неосуществимым.

Глава VIII. Цвингли в частной жизни

Цвингли в своей семье. – Анна Рейнгардт и ее биография. – Рабочий день реформатора. – Его редкая выносливость и производительность. – Письмо к Вадиану. – Цвингли и его друзья. – Отношения к низшим

Мы дошли в нашем очерке до поворотного пункта в деятельности и личной судьбе реформатора. Но путь, который ему еще остается пройти, недолог. За этим кульминационным пунктом его величия следует целый ряд неудач, завершающихся, наконец, кровавой катастрофой на высотах Каппеля.

Прежде, однако, чем перейти к этому последнему периоду в жизни Цвингли, мы должны прибавить еще несколько штрихов к начатому нами портрету его.

Мы видели Цвингли, когда цветущим жизнерадостным юношей, горя восторженной любовью к отечеству, он решил посвятить ему все свои силы в качестве духовного пастыря. Мы видели, как постепенно, путем изучения классиков, Св. Писания и отцов церкви, с одной стороны, и всестороннего знакомства с нравственным, церковным и политическим состоянием своего народа – с другой, у него выработалась определенная программа деятельности, и как скромный проповедник Евангелия сознательно решился вступить на трудное и ответственное поприще церковного и общественного реформатора.

Мы проследили затем, как осторожно и последовательно он осуществлял на практике свою программу, видели его в борьбе с внешними и внутренними врагами его дела и, наконец, поставили лицом к лицу с его великим собратом по оружию, с односторонностью фанатика, оттолкнувшего его примирительно протянутую руку.

Чтобы полнее обрисовать нравственный облик реформатора, нам остается последовать за ним в его тесный семейный кружок, посмотреть на него в кругу друзей, при исполнении обязанностей духовного пастыря, за рабочим столом писателя.

Цвингли был очень счастлив в семейной жизни. Женщина, которую он избрал в подруги жизни, была вдова, одних лет с реформатором. В молодости Анна Рейнгардт была замечательной красавицей, так что первый ее муж, Ганс Мейер фон Кнонау, принадлежавший к одной из древнейших и богатейших фамилий Цюриха, женился на ней даже против воли своих родителей, не признававших и потом его брака с дочерью

простого трактирщика. После смерти мужа в 1517 году, Анна Рейнгардт, оставшись с тремя малолетними детьми, некоторое время терпела большие лишения. Но однажды старик Кнонау увидел на улице прелестного мальчика, который привел его в восторг своими бойкими ответами. Узнав, что мальчик приходится ему внуком, гордый старик наконец смягчился и к вдове своего сына и принял на себя заботу о воспитании ее детей.

Маленький Герольд послужил поводом также к сближению между матерью и Цвингли. Способный мальчик, учившийся в городской школе, обратил на себя внимание реформатора, который очень полюбил его, сам заботливо следил за его развитием и отправил потом в Базель для усовершенствования в науках под руководством Глареана. Ему же он посвятил написанные в 1523 году “Некоторые правила о воспитании благородных юношей”, сочинение, свидетельствующее о замечательно здоровых педагогических принципах реформатора.

Участие, выказанное последним к мальчику, приобрело ему расположение матери. Она была усердной слушательницей Цвингли, когда он проповедовал в соборе или женском монастыре, прониклась его идеями и, несмотря на его духовный сан, решила отдать ему свою руку еще в то время, когда безбрачие духовенства не было отменено официально. Они обвенчались, однако, тайно, чтобы не подавать повода к пересудам (такие тайные браки, “Gewissensehen”, часто практиковались в среде порядочного духовенства до реформации), и только в 1524 году, когда уже было несколько женатых священников, Цвингли решился открыто отпраздновать свою свадьбу. Впрочем, Анна Рейнгардт и после свадьбы не переходила еще некоторое время в дом мужа, не желая расставаться со своими детьми от первого брака.

Сам Цвингли не любил распространяться в письмах о своих семейных делах. Но те немногие посвященные жене строки, которые мы находим в его корреспонденции, ясно показывают, как глубоко он любил и уважал ее. “Душа души моей” – называет он ее в одном письме. Только раз, под влиянием сплетен, распространявшихся его врагами, он идет на некоторые объяснения по поводу своей женитьбы. “Эти несносные люди заставляют меня против воли говорить о моих семейных делах. Они кричат о богатстве моей жены, хотя все ее состояние заключается в 400 гульденах, не считая платьев и драгоценностей. Но с тех пор, как она вышла за меня, она не носит более ни шелковых платьев, ни колец, а одевается, как жены простых ремесленников. Ей уже под сорок, но она прекрасно сохранилась. Дети ее, действительно, богаты, но сама она не принесла мне ничего, кроме сказанного, и то я к нему не прикасаюсь”.

Эта уже немолодая, много испытавшая женщина стала для реформатора образцовой подругой. Скромная, трудолюбивая, с ровным и веселым характером, она, несмотря на скупные средства Цвингли, сумела сделать маленький пасторский домик приятным местом отдыха для мужа, гостеприимным убежищем, где находили приют и радушный прием многочисленные друзья реформатора, навещавшие его, часто издалека. Она разделяла с мужем и его труды духовного пастыря – ухаживала за больными, помогала бедным и так далее.

По свидетельству современников, день Цвингли распределялся следующим образом.

Вставал он очень рано и после усердной молитвы работал до тех пор, пока не наступала пора отправляться в церковь на проповедь или лекцию. В эти ранние утренние часы он изучал Писание в различных текстах, делал извлечения из ученых сочинений, писал свои теологические труды и полемические брошюры. В 11 часов он обедал и затем до двух принимал своих прихожан и вообще всякого, кто нуждался в нем. После этого он возвращался к своим занятиям, просиживая за ними иногда до глубокой ночи. Только после ужина он разрешал себе короткий отдых в кругу семьи и друзей. Поздние вечерние часы он посвящал обыкновенно корреспонденции. У него была обширная переписка с учеными, друзьями, противниками и властями не только в Швейцарии, но и в Германии, Италии и Франции. Не раз случалось, что рассвет заставал его еще за письменным столом. Во время баденского диспута он не ложился в постель в продолжение целых шести недель. Желая хоть издали помогать своим друзьям, он позаботился о том, чтобы ему ежедневно доставлялись известия о ходе прений. Один студент из Валлиса, присутствовавший на диспуте, записывал вечером по памяти возражения Экка, и эти записки, вместе с письмом Эколампация, два других студента тайком привозили в Цюрих в продолжение ночи, а к утру возвращались обратно с ответом и замечаниями Цвингли.

Нужно было действительно железное здоровье, чтобы справляться с этим бременем забот и трудов, и справляться с такой неистощимой ясностью духа, с таким кротким, никогда не изменявшим ему терпением. Одни обязанности профессора и проповедника были так трудоемки, что после смерти Цвингли их пришлось разделить между двумя. А между тем это была только ничтожная часть тех трудов, которые ему приходилось нести. Цвингли, как мы знаем, был всем – и проповедником, и писателем, и государственным человеком. Он писал проекты новых законов, составлял докладные записки совету, вел дипломатические сношения с

иностранными государствами. И при всем этом, за сравнительно короткий период времени с тех пор, как выступил со своим первым сочинением в духе реформации, он успел написать столько, что этого одного хватило бы на целую жизнь ученого, не обремененного другими занятиями. Трудолюбие и необыкновенная производительность Цвингли, общие для него и двух других реформаторов, лучше всего показывают, как много может сделать один человек, у которого все силы души, все помыслы обращены к одной великой заветной цели.

Впрочем, Цвингли иногда не может удержаться от жалобы на свою обремененность занятиями. Почитатель классиков, он огорчен тем, что недостаток времени не позволяет ему отделять свои произведения, и жалуется на это своему другу Вадриану. Но даже эти жалобы исполнены такого добродушного юмора, что мы не можем удержаться, чтобы не привести данное письмо почти целиком. К тому же оно служит прекрасной иллюстрацией к описанию обычного времяпрепровождения реформатора.

“Бедному грешнику при большом соборе решительно не хватает времени, чтобы отделять свои работы. Это чистая беда. Все его произведения не пишутся, а пекутся, как блины. Еще задолго до окончания наборщик стоит у дверей и требует рукопись. Отсюда – поспешность и частые повторения; иное, что не приходило в голову вовремя, ставится в конце, тогда как ему место в начале. Но что прикажешь делать? Тут стоит добрый приятель, который хочет тебе сказать только пару слов, а прокалякает добрых полчаса. Могу ли я прогнать его? Там какой-нибудь забияка, бросивший мне перчатку, требует немедленного ответа. Ну, этот-то может подождать. Но вот звонит болтливый честный деревенский апостол, бранит констанцкого епископа и горько жалуется на то, как меня ругают в монастырях. Эта добрая душа никак не возьмет в толк, что я могу над этим смеяться. В это время на лестнице уже дожидается его ухода пара просителей, желающих, чтобы я заступился за них перед властями. За ними следом появляется школьный учитель, которому нужен план для учебника и непременно на этой неделе, а тут уже стоит у дверей член совета с целым коробом новостей о последнем заседании и с предостережениями от тайных шпионов, доносчиков и негодяев. Не успел он уйти, как несчастного труженика зовут к больному при смерти, который хочет облегчить свою душу исповедью. По дороге к последнему он еще наталкивается на приятеля Фрошауера (типограф и издатель цвинглиевых сочинений), который кричит ему вслед: “Ярмарка, высокопочтеннейший, не забывайте о ярмарке!

Послезавтра я уезжаю!”

Когда же, наконец, несчастный, умирая от усталости, возвращается домой, то на столе лежит уже несколько десятков писем, которые требуют немедленного ответа, так что нередко заря застаёт беднягу еще за письменным столом. Так бывает почти ежедневно. Скажи же, дорогой, могут ли в таком случае мои работы не быть беглыми? Но и в этом я вижу перст Божий. Так должно быть. Я желаю от всей души, чтобы всякие писания и комментарии (и мои прежде всего) пришли в забвение и уступили место лучшим. Лишь бы Св. Писание сохраняло всегда свое значение, что и будет. Оно будет в большом почете и тогда, когда наши писания давно уже будут съедены молью”.

Зато надо было видеть этого “бедного грешника” в те минуты, когда он разрешал себе, наконец, расправить усталые члены, надо было видеть его в кругу своих детей (их у него было четверо) в то время, когда он напевал им детские песенки, аккомпанируя себе на лютне или другом инструменте. Цвингли до конца своей жизни сохранял свежесть юноши. Он не утратил с годами и своей любви к музыке, которая освежала его после напряженных трудов. В кругу друзей реформатор был веселым собеседником, любившим совмещать серьезное с приятным. Иногда избранный кружок любителей устраивал у него небольшие домашние концерты. Для многочисленных друзей и сотрудников Цвингли дом его был сборным пунктом, где обсуждались текущие дела, совещались о необходимых мерах, церковных и государственных. Ученые читали друг другу свои произведения, обменивались взглядами. Руководящая роль в этих собраниях, конечно, принадлежала хозяину, но при всем уважении, почти благоговении, которое питали к нему друзья, он никого не подавлял своим превосходством. В противоположность Лютеру, который держал себя со своими поклонниками настоящим монархом, так что даже близкий к нему Меланхтон, и тот боялся ему противоречить, Цвингли никогда не злоупотреблял своим влиянием на других, не разыгрывал роли “цюрихского папы”. В его кружке царствовала полнейшая гармония. Друзья любили его, но следовали за ним без всякого низкопоклонства и, отдавая должную дань его гению, не стеснялись делать свои возражения или замечания, которые реформатор выслушивал не только терпеливо, но и с благодарностью. Он никогда не предпринимал ничего важного, не посоветовавшись с ними. Сознание ответственности, лежавшей на нем, исключало всякое проявление ложного самолюбия. Вспыльчивый и страстный по природе, он умел быстро овладеть собой. Гнев его был всегда непродолжителен. При этом –

полнейшее отсутствие мелочности, обидчивости, мстительности. Личные обиды он прощал очень скоро, а к злобным выходкам врагов относился с полнейшим равнодушием.

В своих привычках Цвингли был необыкновенно скромен и непритязателен. Одевался очень просто, в еде и питье был умерен, предпочитая молочную пищу, к которой привык в своих родных горах. Но по отношению к бедным он был щедр до расточительности. Он никогда не мог отказать в просьбе, и этой чертой нередко злоупотребляли до того, что друзья считали себя обязанными удерживать его от расточительности, из-за которой он и сам попадал в затруднительные положения.

Дом Цвингли был настоящим убежищем для всех страждущих и гонимых, в числе которых оказывались иногда очень выдающиеся люди. Таким образом, его поддержкой пользовался герцог Ульрих Вюртембергский, который, будучи изгнан из своей страны, прожил некоторое время в Цюрихе и под влиянием Цвингли совершенно освободился от своего прежнего легкомыслия. У Цвингли искал убежища и самый ожесточенный враг герцога, Ульрих фон Гуттен. Благодаря великодушной помощи реформатора, больной, гонимый всеми автор “Писем темных людей” мог спокойно дожить свои последние дни. Поддержка Гуттена даже стоила Цвингли дружбы Эразма Роттердамского, который не мог простить последнему покровительства ненавистному для него гуманисту.

В отношениях к низшим Цвингли также был необыкновенно прост и доступен. С неистощимым терпением он выслушивал каждого, давал советы, утешал и наставлял. Он обладал редким искусством снисходить до уровня понимания масс и пользовался этим даром не только в публичных проповедях, но и в частных беседах. Как истый швейцарец, он не чуждался народа, охотно принимал участие в народных празднествах, иногда даже ужинал в общественных трактирах и своей приветливостью, простотой и добродушным юмором привлекал к себе все сердца. Эта-то простота и непринужденность в обращении и не понравились, между прочим, Лютеру и его друзьям на марбургском диспуте. Германский реформатор, хотя и вышедший из народа, успел уже усвоить себе при дворе курфюрста более утонченное обращение и смотрел пренебрежительно на непринужденные манеры Цвингли, выросшего между равными себе и обращавшегося одинаково свободно как с простым человеком, так и с учеными и князьями. Лютер явился на диспут с торжественностью настоящего владетельного лица, со свитой раболепных друзей, в богатом, подаренном ему курфюрстом одеянии, над которым Цвингли, приехавший в своем

обыкновенном костюме, не мог втихомолку не посмеиваться со своими друзьями. Простые манеры швейцарца показались Лютеру грубыми, мужицкими. Он не понимал швейцарского реформатора. Ведь ругал он его, между прочим, мечтателем, фантазером. Трудно даже представить себе более неподходящий эпитет для трезвого, логического Цвингли. В устах Лютера этот эпитет звучит тем комичнее, что ему самому недоставало того, в отсутствии чего он упрекал Цвингли – того глубокого философского анализа, того логического обоснования своих мнений, которые в полемике доставляли последнему перевес над более красноречивым, чем убедительным Лютером. В Цвингли нет ничего “мечтательного” или мистического. Посмотрите на эту крупную мощную голову, на эти точно из мрамора высеченные черты, на широкий лоб, большие ясные глаза, плотно сжатый рот с полными губами. Это лицо дышит мужеством, энергией, глубоким, пронизательным умом, но вы не найдете в нем и следа той созерцательности, того преобладания фантазии, которая составляет и слабость, и силу более поэтического саксонца.

Глава IX. Вторая религиозная война и смерть реформатора

Неудачи во внешней политике Цвингли. – Новые успехи в Швейцарии. – Программа нового политического устройства Швейцарии. – Несочувствие Берна. – Усиление оппозиции в Цюрихе. – Сейм городов в Ааргау и его решение. – Негодование Цвингли. – Его предсказания сбываются. – Цвингли просит об отставке. – Последняя попытка. – Мрачные предчувствия. – Объявление войны. – Нерешительность реформатов. – Битва при Каппеле и смерть Цвингли. – Последствия поражения. – Второй каппельский мир. – Памятник реформатору

Победа над католическими кантонами, диспут в Марбурге, на котором если не фактический, то, по крайней мере, моральный перевес был на стороне швейцарского реформатора, сильно подняли значение последнего. Из “епископа” Цюриха он становится теперь признанным главою особой реформатской церкви, насчитывающей многочисленных приверженцев не только в Швейцарии, но и в Германии. Мало того: как инициатор и руководитель “христианского союза городов” он становится некоторым образом и главою могущественной политической партии. Деятельность реформатора выходит за пределы одной Швейцарии, в его лице новая крупная сила выступает на арену всемирной истории и можно ожидать, что с ее выступлением положение вещей примет новый решительный оборот.

Но этот блестящий момент в жизни реформатора является, как мы сказали, кульминационным пунктом его величия. Смелые европейские планы, составленные в Марбурге, потерпели крушение, а обострившиеся отношения в самой Швейцарии благодаря недостатку единодушия в его партии привели к катастрофе, поглотившей не только все надежды реформатора, но и его самого, в полном расцвете сил.

Необходимо заметить прежде всего, что новая политическая программа, усвоенная Цвингли, заключала в себе несколько крупных, можно сказать, роковых ошибок. Преследуя упорно свою задачу, Цвингли впал в противоречие с самим собой. До сих пор он с жаром проповедовал против всяких внешних союзов. Он доказывал, что Швейцария может быть счастливой лишь под условием полного нейтралитета в политике иностранных государств. А между тем его новая программа находилась в

полном противоречии с его прежними принципами. В качестве швейцарского патриота он раньше ставил в вину католическим кантонам их союз с Фердинандом Австрийским. Как глава реформированной Швейцарии, он считал себя вправе примкнуть к протестантской оппозиции в Германии и составить план, который, при последовательном проведении, должен был еще более неизбежно, чем союз с Австрией, вовлечь Швейцарию в ряд внешних и внутренних междоусобных войн.

Но и с более широкой, общеевропейской точки зрения, политические замыслы Цвингли оказались несостоятельными. Как ни грандиозна была мысль об обширной коалиции против императора, но элементы, которые должны были войти в нее, были слишком разнородны для того, чтобы они могли быть сплочены единственным общим им интересом – враждой к императору. В конце концов, не только переговоры с Францией и Венецией ни к чему не привели, но даже немецкие протестанты в своей узкой нетерпимости отказались действовать заодно с ненавистными им “причастниками” (Sacramentirer) и не приняли их в известный Шмалькальденский союз. Реформаты так и остались изолированными, а скоро дела в самой Швейцарии, все более и более запутывавшиеся, совершенно отвлекли внимание реформатора от внешней политики.

Действительно, отношения между обеими религиозными партиями в конфедерации после заключения мира несколько не улучшились. Сам каппельский договор был составлен в таких выражениях, что подавал повод к произвольным толкованиям. Основываясь на первом параграфе его, по которому в религиозных делах не должно быть принуждения, Цюрих требовал полной свободы совести для своих единоверцев и в самих лесных кантонах. Требование это само по себе было, конечно, вполне справедливо, но и католические кантоны со своей точки зрения были правы, не соглашаясь на подобную терпимость. Они имели полное право опасаться, что среди них образуется партия, которая, в случае столкновения, приняла бы сторону своих единоверцев. Поведение Цюриха в общих владениях делало эти опасения еще более основательными. Пользуясь своим преобладанием, цюрихский совет, не обращая внимания на протесты своих соправителей-католиков, распоряжался по-своему церковными имуществами, употреблял их на жалованье евангелическим проповедникам и поддерживал во всем своих единоверцев.

Взаимное раздражение сторон получало все новую пищу. Католики давали волю своим чувствам, осыпая своих противников самыми оскорбительными прозвищами, а в собственных владениях открыто расправлялись с приверженцами реформы как с еретиками. Города

настаивали, согласно договору, на примерном наказании обидчиков, кантоны же смотрели на оскорбительные для реформатов выходки самым снисходительным образом.

При таких обстоятельствах вооруженное столкновение оказывалось только отсроченным, несмотря на каппельский мир. Раньше или позже, но война была неизбежна.

Цвингли и его партия давно уже готовились к войне. Реформатор составил план будущего устройства Швейцарии, по которому единство последней должно было быть основано на совершенно новых началах. Как церковь он возвратил к первоначальной основе – к общине, так он хотел поступить и с государством, и не только с тем или другим кантоном, но и со всей швейцарской конфедерацией в целом. Цвингли считал в высшей степени ненормальным, чтобы маленькие невежественные старые кантоны имели на сейме по месту и голосу такое же значение, как и большие могущественные города. Он первый возымел мысль дать швейцарским кантонам общее управление, подобное той представительной демократии, которая только недавно, через три столетия, действительно одержала победу; уничтожить неестественное преобладание старых кантонов, освободить от их власти ландфогства, а большим кантонам дать такое положение, которое соответствовало бы их пространству, силе и образованию. Швейцарская конфедерация получила бы, таким образом, новый центр тяжести и вместе с этим было бы достигнуто господство одного религиозно-политического принципа.

Но для осуществления этой идеи необходимо было энергическое взаимодействие всех сил, необходимо было, чтобы и Цюрих и Берн вполне прониклись планом реформатора. А этого-то, как оказалось, и не произошло.

Не только в Берне, ревниво смотревшем на возвышение Цюриха, но и в этом последнем планы реформатора разделяли не все. В большом и малом совете еще в 1528 году было немало людей, приверженных к старым обычаям. Цвингли добился очищения советов, настояв на уничтожении избирательных привилегий дворян, но этим самым восстановил их против себя. Другие влиятельные классы города также были недовольны реформатором – из-за того, что ввиду дороговизны и недобросовестного отношения к покупателям он подверг мельников и пекарей строгому полицейскому надзору и ввел казенные весы для взвешивания муки и хлеба. Таким образом, в среде самих цюрихцев, до сих пор восторженно следовавших за своим духовным вождем, образовалась сильная оппозиция, которая, при случае, не замедлила оказать парализующее влияние на

задуманные им предприятия. Тем не менее, влияние Цвингли, особенно в преданном ему тайном совете, было еще настолько велико, что Цюрих готов был первым начать войну с католическими кантонами. Цвингли был убежден, что как император в Германии, так и католики в Швейцарии замышляют войну с протестантами. При таких обстоятельствах задача хорошего политика заключалась в том, чтобы предупредить их нападение. На тайном заседании наиболее влиятельных и преданных ему членов совета реформатор развил свои соображения, представив при этом план будущего устройства Швейцарии. После тщательного обсуждения предложение Цвингли было принято и затем сообщено представителям от городов, заседавшим в Ааргау.

Но и на этот раз Берн решительно высказался против наступательной войны. Он рассчитывал обойтись более мягким средством – прекратить подвоз провианта в лесные кантоны, надеясь через это восстановить народ против правящих олигархов. Остальные города присоединились к мнению Берна, и после долгих протестов цюрихские уполномоченные вынуждены были также подписать это решение.

Цвингли был страшно потрясен этим известием. Он ясно видел все последствия этой бессмысленной и жестокой полумеры и в своих проповедях не раз открыто выражал свое негодование. “Кто не боится объявить другому, что он должен пасть, тот должен вслед за словом пустить в ход и кулак”, – говорил он в праздник Троицы, когда в церкви было прочтено известие о состоявшемся решении городов. “Если он не ударит сам, то это сделает другой. Вы отнимаете у 5 кантонов средства к жизни, как у преступников, а между тем боитесь объявить войну. Вы морите голодом невинных и полагаете, что соблюдаете мир. Но этим вы сами доказываете, что у вас нет достаточно причин, чтоб наказать их, и вынуждаете их взяться за оружие, чтобы не умереть с голоду”.

Реформатор и на этот раз оказался прав. Крик отчаяния и негодования поднялся в долинах и горах внутренней Швейцарии, когда разнеслась весть о принятом в Ааргау решении. Берн полагал, что эта мера возбудит народ против его вожаков, вызвавших ее своею неуступчивостью. Но на деле случилось как раз противное. Народ видел только непосредственных виновников своего несчастья и сконцентрировал на них всю силу своего озлобления. Война вспыхнула бы немедленно, если бы католические власти не считали более выгодным подождать. Они знали, что в среде их противников господствуют несогласия и выжидали наиболее благоприятного момента.

Действительно, роковое решение, сплотившее католиков, действовало

на реформатов, как разъедающий яд. В городах народ громко роптал на своих правителей. В Цюрихе партия, враждебная реформатору, осмелилась громко обвинять его как виновника всех несогласий, возбуждающего швейцарцев к братоубийственной войне. Некоторые не стеснялись даже приписывать ему и эту злополучную меру, против которой он так энергично выступал.

Таким образом, в то самое время, когда Цюриху нужнее всего была твердая руководящая рука реформатора, влияние последнего пошатнулось. На карту было поставлено все его реформаторское дело, все его великие планы относительно дальнейшей судьбы Швейцарии, а между тем он не мог более противодействовать проискам пенсионеров и личных врагов, грозивших уничтожить все плоды его долголетних усилий. При таких обстоятельствах он не считал возможным оставаться долее в Цюрихе и 20 июля явился в совет просить своей отставки. Просьба эта благодаря своей неожиданности произвела потрясающее впечатление. Не только друзья, но даже враги Цвингли не могли примириться с мыслью, что Цюрих, живший до сих пор его идеями, обязанный ему своим величием, может лишиться своего духовного пастыря. Депутация из первых лиц республики немедленно отправилась умолять его оставить свое намерение, и Цвингли, наконец, уступил. Три дня спустя реформатор снова явился в совет и, глубоко взволнованный, объявил, что готов по-прежнему служить городу “до последнего дыхания”.

Слова эти не были фразой. Цвингли ясно видел, к чему клонилось дело. Он понимал, что, несмотря на начатые переговоры о мире, кантоны втайне замышляют войну, что Цюрих за этими переговорами только теряет драгоценное время и идет навстречу страшной катастрофе. Томимый мрачными предчувствиями, он решился испробовать последнее средство. Ночью он тайно отправился в городок Бремгартен, где велись переговоры о мире, и здесь, в доме проповедника Буллингера, попытался еще раз объяснить истинное положение вещей бернским уполномоченным. Он доказывал им, что без войны прочный мир с католиками невозможен, что если снять теперь блокаду, то они станут еще заносчивее и что не следует предоставлять им преимущества наступательных действий. Его выслушали внимательно, но он чувствовал, что его слова останутся гласом вопиющего в пустыне.

Только на рассвете Цвингли оставил Бремгартен. Буллингер провожал его до цюрихской границы. Реформатор был глубоко взволнован. Три раза он прощался со своим молодым другом и наконец, со слезами на глазах, расстался с ним. “Мой дорогой Генрих, да хранит тебя Бог! Оставайся

верным Господу и Его церкви!” – таковы были последние слова, сказанные реформатором Буллингеру, точно в предчувствии того, что последний скоро станет его преемником.

И в самой природе совершались вещи, которые наполняли умы мрачными предчувствиями. Суеверные люди распространяли слухи о каких-то необыкновенных знамениях в природе, предвещающих кровопролитие и другие бедствия. В августе на небе появилась комета с необыкновенно длинным хвостом. Цвингли рассматривал ее однажды вечером на кладбище вместе с аббатом Мюллером из Веттлингена. “Что означает эта комета?” – спросил Мюллер. “Она освещает путь к могиле мне и многим добрым людям, которые хотели бы видеть торжество правды и справедливости, – ответил реформатор. – Церковь подвергнется многим испытаниям, но не бойтесь: вы не будете оставлены Богом”.

Католические кантоны, наконец, решились сбросить маску. Переговоры в Бремгартене, несмотря на то, что города довели свои требования до минимума, были круто оборваны, и одновременно с объявлением войны, 9 октября, большой отряд двинулся на свободные земли (freie Aemter), опустошая все по пути, в то время как главное войско в 8 тыс. человек двинулось через Цуг по направлению к Каппелю. Это были отборные воины, закаленные в многочисленных походах. Голод и лишения довели их до крайнего озлобления. Они горели желанием встретиться с врагом, наказать его и раз и навсегда обеспечить свою независимость.

Между тем в самом Цюрихе господствовал полный беспорядок. За короткой вспышкой энергии, вызванной просьбой Цвингли об отставке, снова последовала нерешительность, раздоры партий. Чтобы не раздражать Берн, который обещал свою помощь лишь в том случае, если цюрихцы сами подвергнутся нападению, партия миролюбивых отговаривала от воинственных приготовлений. К тому же, благодаря предосторожностям кантонов, вести об их сборах не могли дойти до реформатов. Объявление войны застало их поэтому совершенно врасплох. Многие не хотели верить, что неприятель уже близок, и совет вместо того, чтобы принять решительные меры, терял время в бесплодных совещаниях, отправлял людей для разведок, менял свои распоряжения.

Только к вечеру 10 октября небольшой отряд в 1000-1200 человек, под начальством капитана Гельдли, двинулся к Каппелю, а на следующий день на помощь к нему отправился другой небольшой отряд с главным знаменем Цюриха.

При этом отряде был и Цвингли в качестве священника. Этого хотели

и его друзья и враги – из различных, конечно, мотивов. Сам реформатор ни минуты не думал уклоняться от угрожающей опасности, хотя и предчувствовал, что не вернется из этого похода. Вместо четырехтысячного войска, как ожидали, вокруг знамени собралось только 700 человек, преимущественно людей зрелого возраста. Когда Миконий увидел своего друга среди этого маленького отряда, выступавшего в полном беспорядке, он почувствовал такую острую боль, что еле удержался на ногах. Конь Цвингли при приближении своего всадника попятился и встал на дыбы – друзья отметили и это как дурное предзнаменование. Но Цвингли казался совершенно спокойным. По дороге он отделился от отряда, и один из друзей услышал, что он с жаром молился за церковь и отечество, поручая свою душу Богу.

Когда отряд достиг высот Альбиса, снизу, со стороны Каппеля, уже слышались выстрелы. Начальник хотел остановиться, чтоб подождать подкреплений. Но Цвингли протестовал против этого: “Если мы будем ждать, пока соберется все войско, то наша помощь придет все равно слишком поздно. Во имя Бога, я хочу пойти к этим людям и спасти их или умереть”.

В Каппеле между тем уже кипел бой между авангардом Гельдли и главным неприятельским войском. Подоспевший отряд благодаря хорошей артиллерии на время привел в замешательство католическое войско. Последнее и не подозревало, что имеет дело с таким слабым противником и, по мнению Буллингера, посредник легко мог бы добиться заключения мира. Но слова Цвингли, сказанные Эбли, оказались пророческими. Посредника не нашлось. Капитан Гельдли, имевший брата в неприятельском войске, не воспользовался выгодами своей позиции и решил дожидаться подкреплений. Католики успели выведать настоящую численность неприятеля, переменили позицию и внезапно напали на расположившихся к отдыху цюрихцев. Битва разгорелась с новым ожесточением. Цюрихцы показывали чудеса храбрости, но их было вчетверо меньше, чем католиков, и они были обращены в бегство. На поле сражения осталось 80 католиков и более 500 цюрихцев – в числе последних и сам Цвингли.

Реформатор не принимал участия в битве. Он лишь стоял в передних рядах, воодушевлял сражающихся и говорил слова утешения раненым. В то время, как он наклонялся к одному из умирающих, камень ударил в его шлем с такой силой, что он упал на землю. Три раза поднимался он и падал, раненый, опять, пока неприятельское копьё не нанесло ему последней смертельной раны. “Что за беда, – были его последние слова в

ответ на жалобы окруживших его товарищей. – Ведь они могут умертвить лишь тело, но не душу”.

Когда ночь набросила свой темный покров на поле кровавой битвы, Цвингли все еще лежал на том месте, где упал, близ грушевого дерева, со сложенными руками, со взглядом, обращенным к звездному небу. В нем еще теплилась жизнь. Уста беззвучно шептали молитву. В таком положении нашли его неприятельские солдаты, бросившиеся грабить павших. Они приняли его за простого цюрихца. “Хочешь исповедаться?” – спросили они его. Цвингли отрицательно покачал головой. – “Призови Матерь Божию или святых!” – Цвингли снова покачал головой. – “Так умри же, проклятый еретик!” – воскликнул один из солдат и прикончил его.

Только на другой день узнали католики, кто был этот “упрямый еретик”. По словам очевидцев, лицо мертвого Цвингли имело такое же выражение, как во время лучших из его проповедей. Цугский городской священник, знавший реформатора при жизни, не мог удержаться от слез при виде его бездыханного тела. “Какова бы ни была твоя вера, – воскликнул он, – я знаю, ты был честным конфедератом. Бог да помилует твою душу!”

Но среди католического войска господствовало другое настроение. Не довольствуясь смертью главного, по их мнению, виновника своих несчастий, солдаты с редким зверством надругались над его телом. Над мертвым Цвингли снаряжен был на поле битвы суд, после чего его труп был четвертован рукой палача, затем сожжен, а пепел, смешанный с пеплом свиней, рассеян по ветру. Спустя несколько дней один из его бывших учеников, Томас Платер, нашел в куче пепла совершенно не тронутое пламенем сердце реформатора. Он отвез его как святыню в Цюрих и передал Миконию, который велел его похоронить.

Так умер на 48-м году своей жизни величайший церковный и политический реформатор Швейцарии. Именно в эти последние годы, когда все его широко задуманные планы рушились один за другим, его благородная бескорыстная натура выступает во всем своем величии. Чувствуя, что потерял свое прежнее влияние, что нечистые руки, в которые перешла власть, губят все плоды его прежней деятельности и на него же сваливают ответственность за свои ошибки, он, тем не менее, не отошел в сторону, не думал выгораживать своего имени. До последней минуты он продолжал бороться с течением и как истый гражданин и патриот пошел разделять со своими согражданами ту печальную участь, которую они сами себе уготовили. В этой междоусобной войне между конфедератами Цвингли умер не вожаком партии, а настоящим героем-мучеником,

сражаясь за то, в чем видел единственное благо и спасение отечества.

Нам остается для полноты очерка сказать несколько слов о последствиях каппельской катастрофы.

Само по себе, конечно, поражение при Каппеле не могло считаться решающим участь всей войны. Если бы Берн и другие евангелические города согласились оказать энергичную помощь Цюриху, то дела реформатов могли бы еще поправиться. Но Берн и теперь не изменил своей прежней осторожной политики и, хотя двинул свои войска на помощь цюрихцам, но в сражение вступить не решился, а завел переговоры о мире. Таким образом, цюрихцы вынуждены были отказаться от своих планов мести и 20 ноября 1531 года подписали условия второго земского мира.

условия были довольно тяжелыми. Реформаты теряли все плоды своей первой победы и ставились в положение католиков после первого каппельского мира. Они обязывались уплатить военные издержки, отказаться от союза с иностранными государями; в некоторых фогствах, примкнувших было к реформации, католицизм снова водворен насильно, в других же общих владениях каждая община могла решить вопрос о вере по большинству голосов. Реформа, таким образом, потеряла часть своего района, о присоединении же к ней старых кантонов не могло быть более и речи.

Но идеи Цвингли успели пустить уже слишком глубокие корни, чтобы поражение реформатов могло ослабить их приверженность его учению. Буллингер и Лео Юд в Цюрихе, Миконий в Базеле (Эколампадий только несколькими днями пережил своего друга), верные заветам реформатора, продолжали трудиться над упрочением реформации. Берн также остался верен религиозным идеям Цвингли. При его содействии реформа проникла во французскую Швейцарию, одержала победу в Вадте и Женеве, а из Женевы благодаря несокрушимой энергии и организаторскому таланту Кальвина охватила мощным потоком Францию, Голландию, Шотландию, Польшу и другие страны.

На том самом месте, где упал реформатор, в 1838 году воздвигнут был скромный гранитный памятник. С обеих сторон памятника на железных досках вырезаны надписи. Одна из них латинская; другая надпись, на немецком языке, гласит:

“Они могут умертвить лишь тело, но не душу”. Так говорил на этом месте Ульрих Цвингли, умирая геройскою смертью за правду и свободу христианской церкви, 11 октября 1531”.

Заключение

Заслуги Цвингли перед Швейцарией. – Цвингли как теолог. – Широкое понимание христианства. – Цвингли – предвестник новейшего мирозерцания. – Его лебединая песня

Цвингли умер в полном цвете сил, не сказав своего последнего слова, не успев завершить начатое им дело политического и церковного преобразования Швейцарии. Но и то, что он успел сделать для своего отечества, так велико, что его по справедливости следует признать величайшим реформатором и благодетелем Швейцарии. За каких-нибудь 13 лет своей деятельности в Цюрихе он успел уничтожить глубоко укоренившуюся пагубную систему наемничества, вызвать религиозное и нравственное возрождение народа и своими заботами о просвещении положить прочное основание для его дальнейшего процветания. Духовное наследие, завещанное Швейцарии ее реформатором, можно сказать, еще долго после его смерти не было вполне исчерпано. Благодаря ему невежественный дотоле Цюрих сделался крупным научным центром, получившим громадное значение не только для Швейцарии, но и для Германии. Хотя первоначально все основанные реформатором высшие учебные заведения предназначались для потребностей церкви, но дух, внесенный им в преподавание, был таков, что свободное развитие наук не могло встречать в них никаких серьезных препятствий. Умственный расцвет Швейцарии в начале XVIII века имел источником те же образовательные элементы, на которые опиралась реформа Цвингли – классическую древность и Библию. Бодмер и Галлер, Изелин и Мюллер, Лафатер и Песталоцци по своему религиозному направлению, своей широкой гуманности и просвещенному патриотизму являются родственными по духу продолжателями Цвингли.

И в политическом отношении идеалы Цвингли до сих пор еще не утратили своего значения. Провозглашенный им принцип полного отделения церкви от государства (хотя и не вполне последовательно проведенный им на практике) остается и поныне господствующим принципом в политических и церковных отношениях. Наконец, лишь несколько десятков лет тому назад осуществился тот план политического переустройства конфедерации, который при жизни реформатора оказался слишком смелым и преждевременным.

Менее ярки на вид заслуги Цвингли как церковного деятеля. Несмотря

на то, что он был первым основателем реформатской церкви, универсальное значение последней оказывается неразрывно связанным с именем другого реформатора. Лишь благодаря Кальвину швейцарская церковь получила ту стройную, строго замкнутую организацию, которая дала ей возможность распространить свою пропаганду далеко за пределы Швейцарии и победоносно выдерживать обострившуюся борьбу с Римом. В дальнейших судьбах евангелического учения личность женевского реформатора играет такую громадную роль, что влияние Цвингли кажется совершенно исчезнувшим.

Для объяснения этого факта можно было бы, конечно, указать на непродолжительность жизни последнего, на то, что его время было временем борьбы, а не организации, что он прокладывал дорогу Кальвину и что все важнейшие принципы кальвинизма выработаны уже в его учении.

Но Цвингли вряд ли нуждается в подобного рода реабилитации. Истинное величие его как религиозного реформатора заключается в заслугах совершенно другого рода, и эти заслуги, хотя и не блистательны на вид, но выставляют его в более привлекательном свете. То, что доставило Кальвину такой громадный успех, вытекало не столько из положительных, сколько из отрицательных сторон его характера и учения. Его фанатизм и страстная односторонность были более по плечу современному обществу, чем просвещенная гуманность Цвингли: железная дисциплина, выработанная им для своих последователей, более годилась для борьбы с системой, выставившей своими защитниками инквизицию и Лойолу. Но фанатизм и односторонность сами по себе представляют не силу, а слабость и могут оказываться полезными лишь временно. В настоящее время крайности в учении Кальвина не признаются более его последователями и нынешняя реформатская церковь по своим принципам оказывается гораздо ближе к духу своего первого основателя, чем второго.

В самом деле, вряд ли какой-нибудь протестант признает теперь во всей строгости те принципы, которые с такой страстной энергией отстаивали Лютер и Кальвин. Учение об оправдании одной верой, о божественной благодати и связанное с ним отрицание у человека свободной воли, учение, заимствованное Лютером у Августина и разработанное Кальвином до последних его логических выводов в догмате о предопределении, в настоящее время либо совершенно отвергается протестантскими теологами, либо признается ими в значительно смягченном виде. Они не утверждают более, подобно Лютеру, что свобода воли – пустой звук, не верят вместе с Кальвином, что Бог раз и навсегда предназначил одну часть людского рода к вечному блаженству, другую – к

вечному проклятию. В свое время эти догматы сослужили реформации громадную службу. С одной стороны, они оживили религиозное чувство, так как чем меньше значения человек стал придавать своим делам, тем более необходимой становилась вера. С другой, ставя спасение человека в зависимость от одного только Бога, реформаторы этим самым подрывали значение церкви, посредничество которой становилось ненужным. Отняв у церкви ключи от неба, они отнимали у нее и господство над землей. Но эпоха ожесточенной борьбы со старым прошла, и те верования, которые казались в пылу этой борьбы главной сущностью христианства, торжество которых реформаторы считали единственной целью своей деятельности, своим единственным призванием, – все эти принципы протестантизма как особой церкви оказались лишь средствами к достижению такой цели, о которой реформаторы думали меньше всего. Один лишь Цвингли представляет в этом отношении светлое исключение. Принцип свободы совести, свободы исследования, от которого так скоро отрекся Лютер и которого совершенно не признавал Кальвин, вполне сознательно проводился швейцарским реформатором до конца жизни... Его главная заслуга заключается в том, что в его учении истинная задача реформации выразилась полнее и чище всего. По отношению к двум другим реформаторам Цвингли может быть назван человеком будущего. Широкое гуманитарное образование спасло его от их односторонности, оно расширило его понимание христианства, сделало его истинным религиозным реформатором, а не основателем новой секты, хотя бы и более совершенной, чем старые.

Чтобы понять, в какой степени Цвингли-теолог отличается от двух других реформаторов, лучше всего познакомиться с его отношением к христианскому догмату о первородном грехе.

Человеческая природа, учит христианская церковь, со времени грехопадения Адама испортилась, человек рождается в грехе и должен был бы погибнуть, если бы для спасения его не явился Иисус Христос. Искупительная жертва Спасителя смыла первородный грех, человек снова вернул свою первоначальную чистоту и, путем самоусовершенствования, может добиться своего спасения. Таково основное учение христианства. Но в догматике протестантизма оно получило особую окраску. Собственными усилиями, добрыми делами человек не может спастись, говорит Лютер, спасти его может одна лишь вера. Но и вера не зависит от его собственной воли; она является в человеке лишь как действие божественной благодати, как особый дар Божий. Кальвин в этом отрицании свободы воли идет еще далее и – делает человека бессмысленной игрушкой, безответной жертвой

непостижимого божественного решения, в силу которого он осужден погибнуть еще раньше, чем явился на этот свет.

Мягче, человечнее, шире толкует этот догмат швейцарский реформатор. По его мнению, грехопадение первого человека не имело последствием радикальную испорченность человеческой природы. Оно оставило в людях только предрасположение к злу, их греховность есть лишь болезнь, происходящая от соединения души с плотью, и сама по себе еще не осуждает человека. Только сознательное отступление от божественного закона, сознательно совершенное зло делает человека ответственным перед Богом и навлекает Его осуждение.

В этом взгляде, правда, слышится скорее отголосок платоновской философии, чем исторического христианства, но если понимать христианство не как догматическое учение, а как учение любви, то, конечно, взгляд Цвингли покажется гораздо более близким к духу христианства, чем мрачные теории Лютера и Кальвина. Отрицая радикальную испорченность человеческой природы, Цвингли этим самым возвращает человеку его свободу воли. Дети, умершие без крещения, не могут считаться осужденными; народы, не знавшие Христа, не исключаются из царствия небесного. Божественное предопределение следует понимать лишь как предвечное решение Божественной мудрости и благодати по отношению ко всем людям вообще. Бог предвидит, конечно, все дела человека, но он предоставил ему полную свободу действий и не желает гибели грешника.

И как церковный, и как общественный реформатор Цвингли, очевидно, не принадлежит той эпохе, в которую жил, – он является скорее предвестником новейшего мирозерцания. И Лютер, и Кальвин стоят еще во многих отношениях на средневековой почве: Лютер со своим консервативным стремлением сохранить все, что возможно, от старой традиции, Кальвин – со своим ярко выраженным теократическим идеалом, представляющим слепок со всемирной теократии римской церкви. Деятельность Цвингли носит совершенно другой характер. Она принадлежит, как мы видели, не только церкви, но и государству, и в той и другой области реформатор совершенно порывает со всякой традицией. Вся средневековая организация церкви и государства была ему ненавистна, свои идеалы он черпал из античного республиканского мира. Воспитанный на классических философах, он не отвергал, подобно другим реформаторам, вмешательства разума в дела веры. Он сам, путем свободного исследования, дошел до истинного понимания Евангелия, открыл те заблуждения, которые накопились в учении церкви в течение

веков. Он был убежден поэтому, что и разум имеет божественное происхождение и что в его выводах не может быть противоречия с божественным откровением. При всей своей глубокой религиозности Цвингли является представителем индивидуальной свободы духа, защитником прав человеческого ума и предвестником рационального и критического направлений новейшего времени. Вот эта-то примесь свободной критики в религиозном учении Цвингли и вызывала недоверие Лютера, она-то и внушила ему более инстинктивное, чем сознательное восклицание: “У вас другой дух, чем у нас!”

Лютер был прав. У Цвингли был, действительно, другой дух, непонятный и чуждый германскому реформатору, но зато вполне понятный и симпатичный для нас, – это дух новейшего времени, дух широкой гуманности и терпимости, требующий безусловной свободы мысли и убеждения. Реформаторы такой свободы не признавали. И Лютер, и Кальвин, в сущности, только заменили папу в Риме “книжным”, бумажным папою, они установили целую систему христианского правоверия и на освобожденную от прежнего ига мысль наложили новые оковы, сказали ей “ты не пойдешь далее”.

Цвингли до конца оставался чуждым этому узкому доктринерству. Свои теологические взгляды он не возводил в непогрешимые догматы, не утверждал, что истина уже найдена им, не требовал от своих последователей слепой веры, не клеймил своих противников “исчадиями сатаны”. Вопросы догматические стояли для него на втором плане – он стремился лишь к нравственному усовершенствованию человека, к полному согласованию жизни с учением. Поэтому, будучи сам глубоко верующим христианином, он признавал возможность спасения и для людей других вероисповеданий. Он был убежден, что и Платон пил из Божественного источника, и язычника Сенеку решился назвать святым человеком. В “*Christianae fidei expositio*”, написанном в июне 1531 года и представляющем как бы лебединую песнь реформатора, мы находим следующее замечательное и поразительное по своей смелости место:

“Когда св. Павел говорит, что невозможно быть приятным Богу без веры, он говорит о тех неверующих, которые, зная Евангелие, все-таки не верили ему. Я не могу допустить, чтобы Бог предавал одинаковому осуждению и того, кто добровольно закрывает глаза от света, и того, кто, помимо своей воли, живет во мраке. Я не могу допустить, чтобы Господь отверг те народы, все преступление которых заключается в том, что они не слышали Его учения. Нет, перестанем дерзко ставить границы милосердию Божию. Что касается меня, то я убежден, что на небесном собрании всех

существ, допущенных к созерцанию Всевышнего, мы увидим не только святых людей Ветхого и Нового заветов, но и Сократа, Аристиды, Нуму, Камилла, Катонов, Сципионов... Словом, я убежден, что не будет ни одного благородного человека, ни одной святой души, к какому бы они ни принадлежали веку, в какой бы стране ни родились, которые не вошли бы в Царство Небесное...”

Когда читаешь эти строки, дышащие такой любовью к людям, таким просвещенным умом, стоящим выше вековых предрассудков, трудно и представить себе, что они написаны в XVI веке, в этот железный век инквизиции и костров, когда распаленные фанатизмом представители различных религиозных лагерей с легким сердцем жарили своих ближних за неодинаковое толкование того или другого догмата, когда последователи Христа во имя Христа становились друг для друга не братьями, а палачами. Вам кажется, что вы читаете произведение какого-нибудь современного моралиста, и вы испытываете такое же ощущение, какое испытывает человек, когда среди чуждого, враждебно смотрящего на него общества внезапно увидит знакомое, близкое лицо, услышит звуки родного, понятного ему языка.

Источники

1. *Christoffel*. Ulrich Zwingli's Leben und ausgewählte Schriften.
2. *Baur*. Kirchengeschichte der neueren Zeit von der Reformation bis zum Ende des 18. Jahrhunderts, Tübingen 1863.
3. *Ranke*. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, Dritter Band, 1868.
4. *Hagenbach*. Kirchengeschichte von der ältesten Zeit bis zum 19. Jahrhundert. 3 Bände, Reformationgeschichte, 1870.
5. *Hundeshagen*. Beiträge zur Kirchenverfassungsgeschichte und Kirchenpolitik insbesondere des Protestantismus. Erster Band 1864.
6. *Bluntschli*. Geschichte der Republik Zürich, 2 Bde, 1847.
7. *Merle d'Aubigne*. Histoire de la réformation du seizième siècle, 5 t.
8. *Laurent*. Etudes sur l'histoire de l'humanité. T. VIII. La réforme, 1861.
9. *Hausser*. История Реформации. Перев. под ред. В. Михайловского. Москва. – 1882.
10. *Sporri*. Zwingli – Studien, Leipzig 1866.
11. Morikofler, Ulrich Zwingli, nach den urkundlichen Quellen. 2 Theile, Leipzig 1867.
12. *Hottinger*. Ulrich Zwingli und seine Zeit. 1844.
13. *Hess*. Vie d'Ulrich Zwingli, réformateur de la Suisse, Genève. 1810.
14. *Reeder*. Der schweizerische Reformator, Mag. Huldreich Zwingli, seine Freunde und Gegner. 1855.

notes

Примечания

1

Генрих Буллингер, преемник Цвингли в Цюрихе, автор его биографии и замечательной истории Реформации

До каких крайностей доходили теории сектантов, можно видеть из примера города Мюнстер, превращенного Иоанном Лейденским в “Новый Сион”. Этот “пророк” устроил в Мюнстере какую-то пародию на ветхозаветное израильское царство “с 12 судьями, с общей кассой для всего “Нового Израиля” и открыто ввел полигамию, взяв себе, по примеру царя Давида, 14 жен